

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Прилагательные с суффиксами -уч- и -ач- в русском языке
XV—XVII века**

основная образовательная программа бакалавриата по направлению
подготовки 45.03.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Отечественная филология
(Русский язык и литература)»
очной формы обучения
Гальченко Александра Александровна

Научный руководитель:
ст. преп. Чердаков Д. Н.

Рецензент:
к. филол. наук, доц. Рыко А. И.

Санкт-Петербург
2018

Содержание

Введение	3
Глава 1. Формирование класса прилагательных с суффиксами -уч- и -ач-	7
1.1. Действительные причастия настоящего времени	7
1.2. Условия адъективации и принципы разграничения причастий и прилагательных	11
1.3. Отглагольные прилагательные с суффиксами -уч-, -ач- в истории русского языка.....	18
Глава 2. Прилагательные с суффиксами -уч- и -ач- в XV—XVII вв. на фоне предшествующего и последующего исторических периодов	26
2.1. Прилагательные с суффиксами -уч- и -ач- в старорусский период (XV—XVII вв.).....	26
2.1.1. Морфологическая характеристика прилагательных с суффиксами -уч- и -ач-.....	28
2.1.2. Семантическая характеристика прилагательных с суффиксами -уч- и -ач-.....	41
2.2. Прилагательные с суффиксами -уч- и -ач- в древнерусский период (XI — XIV вв.).....	48
2.3. Прилагательные с суффиксами -уч- и -ач- в XVIII—XIX вв.	59
Заключение	74
Источники.....	78
Словари.....	80
Литература.....	82

Введение

Класс прилагательных с суффиксами -уч- и -ач- генетически восходит к действительным причастиям настоящего времени, образованным с помощью суффикса *-nt- от основы настоящего времени. Этот суффикс реализовывался в причастиях или в генетически южнославянском варианте -ущ-, -ащ-, или в восточнославянском — -уч-, -ач-.

Старорусский период (XV—XVII вв.) — время активного развития класса прилагательных с суффиксами -уч- и -ач-: увеличивается его состав, расширяется семантическая структура слов, наращаются качественные признаки, вследствие чего образуются новые устойчивые и терминологические словосочетания. В это время образования с суффиксами -уч- и -ач- в полной форме крайне редко употребляются в качестве причастий, что было характерно для древнерусского периода (XI—XIV вв.). Таким образом, класс прилагательных с суффиксами -уч- и -ач- в текстах старорусского периода представляет научный интерес.

Предметом исследования является функционирование класса прилагательных с суффиксами -уч- и -ач- в текстах старорусского периода. Также в работе проводится сравнение полученных данных с данными предыдущего (древнерусского) и последующего (XVIII—XIX вв.) периодов. Следует подчеркнуть, что в поздний период (XVIII—XIX вв.) мы не исследуем диалектный материал и не рассматриваем данные диалектных словарей. Привлечение диалектного материала привело бы к существенному качественному и количественному расширению работы, которая в таком случае вышла бы за рамки квалификационной работы данного уровня.

Источниками исследования послужили:

1. исторические и толковые словари:

- «Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)» (далее — словарь XI—XIV вв.);

- «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского (далее — словарь И. И. Срезневского);
 - «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (далее — словарь XI—XVII вв.);
 - «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв.» (7 изданных томов до буквы «З»; далее — СОРЯ);
 - «Словарь Академии Российской» (далее — САР);
 - «Словарь русского языка XVIII века» (далее — СЛРЯ XVIII);
 - «Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля» (далее словарь В. И. Даля);
 - «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (далее — словарь под ред. Д. Н. Ушакова).
2. Тексты электронной библиотеки литературы Древней Руси (БЛДР)¹;
 3. Национальный корпус русского языка (старорусский подкорпус)²;
 4. Национальный корпус русского языка (XVIII—XIX вв.) (НКРЯ);
 5. Картотека, предназначенная для составления СОРЯ, которая хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ;
 6. Источники «Словаря обиходного русского языка Московской Руси»: 10 региональных исторических словарей, 23 научно подготовленных издания со словоуказателями.

В отношении работы со словарями стоит отметить, что поиск словоупотреблений осуществлялся и по отдельным словарным статьям на прилагательные исследуемого класса, и по статьям соответствующих глаголов, что связано с необходимостью выявления причастных и

¹Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Библиотека литературы Древней Руси. URL: <http://odrl.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1941> (дата обращения: 30.05.2018).

²Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 30.05.2018).

деепричастных образований с суффиксами -уч-, -ач- в текстах древнерусского и старорусского периода. Сбор языкового материала в БЛДР осуществлялся методом полуавтоматического поиска. Сфера употребления прилагательных с суффиксами -уч-, -ач- в основном ограничивается памятниками деловой и бытовой письменности, что обуславливает привлечение к исследованию «Словаря обиходного русского языка Московской Руси», а также картотеки словаря и источников словаря, так как они значительно дополняют другие материалы.

Целью работы является анализ функционирования класса прилагательных с суффиксами -уч- и -ач- в текстах старорусского периода (XV—XVII вв.)

Задачи исследования:

1. изучить и описать теоретические основания темы (историю формирования класса отглагольных прилагательных с суффиксами -уч-, -ач-, историю функционирования причастий с указанными суффиксами, особенности адъективации причастий, принципы разграничения причастий и прилагательных);
2. отобрать языковой материал из указанных источников, установить состав и семантические характеристики исследуемого класса слов;
3. выявить особенности развития исследуемого класса в старорусский период (XV—XVII вв.) на фоне предшествующего (XI—XIV вв.) и последующего (XVIII—XIX вв.) периодов.

Основное содержание работы представлено в двух главах. Первая глава посвящена теоретическому аспекту проблемы. В ней описываются история действительных причастий настоящего времени, условия адъективации причастий и принципы разграничения прилагательных и причастий в языке древнерусского и старорусского периодов и класс прилагательных с суффиксами -уч- и -ач- в истории русского языка. В первой главе рассматриваются работы разных ученых, связанные с изучением прилагательных с суффиксами -уч-, -ач-.

В исследовательской главе систематизируется информация из разных источников, анализируются полученные данные, выявляются тенденции в функционировании класса прилагательных с суффиксами -уч-, -ач- для старорусского периода.

Глава 1. Формирование класса прилагательных с суффиксами -уч- и -ач-

1.1. Действительные причастия настоящего времени

Действительные причастия настоящего времени, к формам которых восходят прилагательные с суффиксами -уч-, -ач-, образовывались от глагольной основы настоящего времени с помощью суффикса *-nt-, осложненного *j. В результате позднеславянских фонетических изменений в старославянском языке этот суффикс реализовывался в виде -жц-/-ѣжц- для глаголов 1, 2, 3 и 5 классов и в виде -лц-/-ѣлц- для глаголов 4 класса. В древнерусском языке этим старославянским суффиксам соответствовали суффиксы -уч-, -ач-¹. Таким образом, чтобы полностью восстановить ход формирования класса отглагольных прилагательных с суффиксами -уч-, -ач-, необходимо обратиться к истории причастий.

Причастные формы по своей природе амбивалентны, они связаны и с глаголом, и с именем. Определение причастий как двойственных языковых единиц приводится во всех грамматиках русского языка. О «гибридности» данных образований говорили такие исследователи, как А. А. Потебня, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко и многие другие².

Под «гибридностью», или двойственностью, причастий понимается взаимозависимость грамматических и лексико-грамматических признаков в пределах одной лексемы³. В грамматических признаках и функциях

¹ Колесов В. В. История русского языка. М., 2005. С. 380—381; Старославянский язык: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Аверина С. А., Навтанович Л. М., Попов М. Б. и др. СПб., 2013. С. 334—335.

² Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М., 2001. С. 227—228; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 470; Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958. С. 185; Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982. С. 280; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2006. С. 275.

³ Колочкова О. В. Адъективированные реализации причастий в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. С. 2; Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000. С. 324; об этом также см. Токарева Е. М. К вопросу о частеречной принадлежности причастия в

причастий отражаются свойства и глагола, и имени. Их соотношение может варьироваться. Таким образом, по своим формальным признакам, значению и соотносительности с другими грамматическими классами причастия сближаются с глаголами и прилагательными¹. Отсюда вытекает проблема частеречного определения, которая до сих пор считается нерешенной.

Существует две основные точки зрения на определение частеречной принадлежности причастий:

1. причастие — атрибутивная форма глагола (наиболее распространенная точка зрения в современной лингвистике)²;
2. причастие — самостоятельная часть речи³.

О. В. Колочкова, ссылаясь на В. В. Виноградова, считает необходимым выделить третью точку зрения, в соответствии с которой причастия определяются как «смешанная, переходная часть речи». Здесь подчеркиваются регулярная реализация двойственной природы причастий и как следствие конечное отнесение лексем к прилагательным или причастиям в соответствии с преобладающими признаками⁴.

Действительные причастия в древнерусском языке встречались значительно чаще страдательных, особенно это касается кратких форм. По данным, собранным Б. В. Кунавиным, их употребление превышает в десятки раз частотность полных форм. В древнерусском языке произошла специализация синтаксических функций полных и кратких причастий, что повлекло за собой дальнейшие изменения, в том числе адъективацию⁵.

языках // Электронный научный журнал. Люберцы, 2016. №10. С. 224—227; Резунова М.В. К проблеме переходности в языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №23 (124). С. 116—121; Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. М., 1975. №5. С. 64—77.

¹ Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982. С. 280.

² Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1. С. 662.

³ Шанский Н. М., А. Н. Тихонов. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. Ч. 2. М., 1987. С. 204.

⁴ Колочкова О. В. Адъективированные реализации причастий в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. С. 20—21.

⁵ Кунавин Б. В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук. СПб., 1993. С. 9.

Полные причастия выполняли исключительно атрибутивную функцию, то есть выступали в роли определения. Краткие формы действительных причастий могли выполнять и предикативную, и атрибутивную функции. Однако основной являлась предикативная.

В процессе эволюции краткие формы причастий постепенно утрачивали атрибутивную функцию, сближались с глаголом–сказуемым и становились, как принято называть в отечественной русистике, второстепенным сказуемым, образуя трехступенчатую градацию членов предложения (главные члены предложения — второстепенное сказуемое — второстепенные члены предложения). О функционировании действительных причастий в этой системе подробно писал Б. В. Кунавин¹.

Утрата функции определения у кратких действительных причастий привела к утрате склонения. Для выполнения предикативной роли достаточно было формы И. п. В результате этих изменений краткое причастие сохранило только видовое значение и роль второстепенного сказуемого, что привело к становлению деепричастий².

Полные формы действительных причастий настоящего времени, выполняя исключительно функцию определения, подверглись адъективации. Образовался класс прилагательных с суффиксами -уч-, -ач-. Действительные причастия настоящего времени со старославянскими суффиксами -жц-, -щц-, употреблявшиеся параллельно с русскими вариантами (-уч-, -ач-), не утратили предикативной функции, но в живой речи почти не употреблялись и остались только книжными элементами³.

Таким образом, история развития действительных причастий с суффиксами -уч-, -ач- позволяет выделить два аспекта. Первый — становление деепричастий. Второй — адъективация и развитие словообразовательной модели для новых прилагательных.

¹ Кунавин Б. В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук. СПб., 1993. С. 9.

² Коневецкий А. Историческая грамматика. Вильнюс, 1989. С. 196.

³ Там же. С. 197.

Для исследования образований с суффиксами -уч-, -ач- в текстах XV—XVII вв. необходимо коснуться проблемы становления деепричастий, так как именно это время традиционно обозначается временем их формирования.

Л. Р. Абдулхакова в работе «Развитие категории деепричастия в русском языке»¹ обобщила взгляды разных ученых на эту проблему. Спорным считается вопрос о времени становления деепричастий. Для того чтобы понять, когда оно возникло, необходимо установить критерии, по которым можно выделить деепричастие как самостоятельное грамматическое явление.

Деепричастие восходит к кратким причастиям И. п. единственного числа мужского и женского рода либо множественного числа мужского рода (с заменой -е на -и). Первые свидетельства начала формирования категории деепричастия связаны с нарушением в согласовании причастия и существительного в роде и числе, что фиксируется уже в древнейших памятниках XI—XIII веков².

В. В. Колесов считает, что процесс формирования деепричастий завершился к концу XIV века, но формы их универсального выражения еще долго вырабатывались. Б. В. Кунавин временем активного формирования деепричастия называет XIV—XV вв. Л. Е. Лопатина с осторожностью относит этот процесс к концу XV века. Большинство исследователей связывают завершение становления деепричастий с XVII веком (Я. А. Спринчак, А. Н. Стеценко, С. И. Котков и др.³).

Таким образом, единства мнений по поводу времени формирования деепричастий нет. Однако традиционно время с XV по XVII века считается периодом становления деепричастий, который завершается к концу XVII

¹ Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке. Казань, 2007.

² Там же. С. 3.

³ Стеценко А. Н. История именных действительных причастий и образование деепричастий в русском языке // Проблемы стилистики и лексики русского языка. М., 1978. С. 3—11; Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974; Спринчак Я. А. К вопросу о происхождении деепричастных конструкций в восточнославянских языках // Міжвузівська наукова конф. з проблем синтаксису української мови: тези. Черновці, 1965. С. 108—110; Запольская Н. Н. Функционирование причастий в русском литературном языке конца XVII—XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

века. В это время деепричастные образования несовершенного вида на -учи/-ачи (*живучи, стоячи*) были на втором месте по количеству употреблений после форм на -а (*хотя, стоя*), к одной и той же основе могли применяться оба способа формообразования. Нельзя определить какую-либо зависимость формы деепричастия от значения глагола, так как деепричастия образовывались от различных по семантике глаголов с разными типами основ, чаще — от основ на твердый согласный¹.

После XVII века деепричастия на -учи, -ачи постепенно выходили из употребления, и в данный момент они представлены в языке только стилистически маркированными образованиями (*живучи, играючи, идучи*) и не являются частотными². В современном русском языке сохранила свою актуальность только застывшая форма от глагола *быти* — *будучи*³.

1.2. Условия адъективации и принципы разграничения причастий и прилагательных

Второй путь развития причастий с суффиксами -уч-, -ач- — адъективация. Существует несколько трактовок термина «адъективация».

Некоторые ученые считают, что причастие наделяется адъективными значениями и не отрывается от системы глагола. Такая точка зрения представлена в работах Л. П. Калакуцкой, В. В. Лопатина, И. К. Сазоновой. В. В. Лопатин рассматривает адъективацию с синхронной точки зрения и отмечает, что при адъективации, в отличие от субстантивации или адвербиализации, не меняется парадигма склонения и синтаксическая функция слова, так как и у прилагательного, и у причастия они одинаковы. Меняется, по словам исследователя, в самых ярких случаях только грамматическая семантика, «причастие теряет грамматическую семантику

¹ Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке. Казань, 2007.

² Коневецкий А. Историческая грамматика. Вильнюс, 1989. С. 197.

³ Ким Сан Хен Эволюция причастий и деепричастий в русском литературном языке XVIII в. — первой трети XIX в. (морфологические формы и синтаксические функции): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. С. 11.

глагола»¹. Таким образом, адъективированными причастиями В. В. Лопатин называет те образования, которые в системе языка употребляются параллельно — и как полноценные причастия, и как мотивированные причастием, наделенные новыми качественными значениями образования. В эту группу адъективированных причастий не могут включаться слова, которые связаны с причастием только генетически. Это для современного русского языка касается исследуемых в данной работе отглагольных прилагательных с суффиксами -уч-, -ач-. Если применить теорию В. В. Лопатина к изучаемым словам в текстах XV—XVII вв., то они также не войдут в группу адъективированных причастий, так как данные формы в это время почти не употреблялись в качестве причастия.

И. К. Сазонова говорит о том, что мотивированность значений, их перенос на основе метонимии, наличие ясной внутренней формы, связь с инфинитивом обеспечивают устойчивую связь глагольных и адъективных значений в пределах одного слова и не нарушает семантического тождества причастия². В. В. Виноградов, говоря о страдательных причастиях, также утверждает, что при адъективации «полный распад формы на омонимы осуществляется не часто»³.

Л. П. Калакуцкая, придерживаясь той же позиции, приводит признаки, указывающие на адъективацию действительных причастий настоящего времени. Основным из них является отсутствие зависимых слов. Адъективация почти не происходит в тех случаях, когда причастие входит в состав причастного оборота. Однако отсутствие зависимых слов не всегда говорит об адъективации причастия, необходимо обращать внимание на

¹Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопросы языкознания. М., 1966. № 5. С. 37—38.

² Сазонова И. К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова // Вопросы языкознания. 1971. №6. С. 108; об этом также Краснов И. А. Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. С. 15; Бедняков А. С. Переход причастий в прилагательные. Русский язык в школе. 1947. № 2. С.16—23; Голубева А. Ю., Акай О. М. Адъективация и адвербиализация как способы словообразования // Филологический науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. №11-2. С. 60—62.

³Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М., 2001. С. 237.

грамматические факторы, влияющие на приобретение причастием адъективных значений¹.

Одним из показателей адъективации причастий является основное значение глагольной основы. Адъективация происходит, когда причастия наделяются новыми качественными значениями. Особенно ярко это видно в словосочетаниях, в которых причастие приобретает переносное значение² (например, *дремучий лес, могучие плечи*³).

С XVII века начали получать широкое распространение терминологические словосочетания, в состав которых входили отглагольные прилагательные с суффиксами -уч-, -ач-. Само их употребление в таких конструкциях является признаком адъективации. Причастие становится застывшим, вневременным определением⁴ (например, *ходячий рубль, сидячие бояре и боярыни*⁵).

Однако стоит отметить, что даже одиночное причастие в составе терминологического сочетания в ряде случаев сохраняет противопоставленность по залогу, т. е. не утрачивает связь с глаголом, а значит, остается в классе причастий (например, *нерегулируемый калибр – регулирующий клапан, обуславливаемое предложение — обуславливающее предложение*). Следовательно, одиночное употребление причастий в терминологических сочетаниях еще не гарантирует их адъективированную природу⁶.

¹ Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском языке. М., 1971. С. 6; Полуничева Н. Ю. Адъективация действительных причастий настоящего времени // Филология и человек. Барнаул, 2011. С. 174—182.

² Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском языке. М., 1971. С. 43—46.

³ Примеры взяты из «Исторических песен XIII—XVI веков».

⁴ Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском языке. М., 1971. С. 53—55; Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопросы языкознания. М., 1966. № 5. С. 42; Сай С. Действительные причастия настоящего времени // Русская корпусная грамматика [сайт]. URL: <http://www.rusgram.ru> (дата обращения: 03.04.2018).

⁵ Примеры взяты из «Купчей иг. Кириллова мон. Кассиана» (по материалам словаря И. И. Срезневского) и из «Чина свадебного» (XVI—XVII).

⁶ Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском языке. М., 1971. С. 57—58; Колочкова О. В. Грамматическая неоднородность адъективированных причастий в русском языке // Вестник СПбГУ. Вып. 1. СПб., 2011. С. 117—118; об этом также см. Богданов А. В. Семантика и синтаксис отглагольных адъективов: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 16—18.

Другие условия адъективации причастий регулируются грамматическими характеристиками, так как процесс адъективации включает в себя не только накопление адъективных значений, но и ослабление грамматических признаков глагола (значения залога, времени и вида).

Рассмотрим категорию времени в отношении адъективации действительных причастий настоящего времени, которые выражают действие, происходящее одновременно с основным. Причастия могут иметь два оттенка значения: 1) действие, выраженное причастием, шире основного действия или 2) действие совпадает по длительности с основным действием.

Первое значение более распространенное. Действие, выраженное причастием, в данном случае не ограничивается временем действия, выраженного глаголом.

Например:

Я глухо слышу, жутко чую

Вой голодающих волков.

(В. Брюсов. По меже)

В этом примере, хоть время причастия и соответствует времени глагола-сказуемого, оно им не ограничивается: волки были голодными и до того, как их слышали.

Таким образом, адъективация причастий возможна, если они приобретают вневременной признак, становятся «шире» глагола, выражающего основное действие, вне зависимости от того, соотносятся ли во времени причастие и глагол-сказуемое.

Однако, если причастие дополняется обстоятельством времени (*всегда, теперь, ныне* и др.), время конкретизируется (например, *вечно смеющиеся глаза*), и появление временных границ препятствует адъективации.

Второй вариант временного значения причастий (действие совпадает по длительности с основным действием) встречается чаще всего в причастных оборотах, что препятствует адъективации. Но и при одиночном употреблении причастия, реализующего это значение, адъективация

необязательна. В таких случаях на процесс адъективации влияет наличие или отсутствие значения непостоянного признака: *Она перечела, постучала каблуком о паркет, подняла хрустящий листок письма...* Речь может идти о постоянно хрустящем листке или о хрустящем в тот момент, когда его поднимали.

Таким образом, неограниченность значения во времени создает возможность адъективации причастий. В. В. Виноградов писал о том, что при отсутствии временных примет причастия на -щий легко приобретают качественное значение¹.

Таким образом, по Л. П. Калакуцкой, получается, что основным признаками адъективации действительных причастий настоящего времени являются:

1. отсутствие зависимых слов;
2. наделение причастий качественными значениями;
3. терминологическое употребление;
4. временное несоответствие основному времени, выраженному глаголом-сказуемым.

Рассмотрим другие взгляды на проблему адъективации причастий.

О. В. Колочкова дает иное определение адъективации, придерживаясь концепции семантического словообразования. Она подчеркивает, что адъективация — это процесс, заключающийся в накоплении причастной формой новых семантических наслоений, результатом которого является одномоментный качественный грамматический «скачок», образующий в каждом конкретном случае новое слово. Это новое образование, по мнению О. В. Колочковой, является самостоятельной единицей, омонимом и по отношению к причастию, и по отношению к прилагательному². В. М. Марков, размышляя над проблемой семантического словообразования,

¹Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М., 2001. С. 228—229. Об этом также см.: Плунгян В. А. Причастия и псевдопричастия в русском языке: о границе вариативности. Осло, 26 февраля 2010 г.

² Колочкова О. В. Адъективированные реализации причастий в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. С. 11—12.

подчеркивает, что переход слова в другую часть речи происходит в результате его деэтимологизации. До этого момента очень сложно провести границу между исходным словом и новообразованием¹.

По мнению некоторых исследователей, проблемы адъективации вообще не существует. Эта точка зрения представлена в статье Е. А. Иванниковой «О так называемом процессе адъективации причастий». Исследовательница утверждает, что причастие — это процессуальное прилагательное, а не форма глагола. Следовательно, как утверждает Е. А. Иванникова, причастие как адъективное образование переходит в разряд качественных прилагательных не из категории глагола, а из процессуальной разновидности прилагательного. Таким образом, адъективации причастий не существует².

Наконец, последняя точка зрения на процесс адъективации причастий связана с отделением адъективных значений от системы глагольных форм и полным переходом слов в класс прилагательных. Этой точки зрения придерживаются Л. И. Удалова, М. Ф. Лукин, А. И. Бахарев³. В современной лингвистике уже признан семантический способ словообразования, и потому данная точка зрения является традиционной⁴.

Л. И. Удалова отмечает, что при адъективации происходят лексические и грамматические изменения, в результате которых образуются лексико-грамматические омонимы, схожие по семантике, но принадлежащие к разным грамматическим категориям⁵.

А. И. Бахарев говорит, что переход причастия в прилагательное происходит в результате борьбы двух компонентов плана содержания: действия и свойства. Если значение действия значительно устойчивее или

¹ Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981. С. 9—10.

² Иванникова Е. А. О так называемом процессе адъективации причастий // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. К 80-летию члена-корреспондента АН СССР Р. Г. Бархударова / под ред. Ф. П. Филина, Р. И. Аванесова. М., 1974. С. 301.

³ Лукин М. Ф. Переход причастий в прилагательные и существительные в современном русском литературном языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1965. С. 16—17.

⁴ Так В. Г. Транспозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 519; Николаев Г. А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология / под ред. Е. Н. Шабровой. СПб., 2007. С. 16.

⁵ Удалова Л. И. Адъективация действительных причастий в русском литературном языке XVIII—XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961. С. 18.

если значения действия и свойства уравновешены, переход причастия в прилагательное не происходит. Если значение свойства сильнее, происходит адъективация¹.

М. Ф. Лукин выделяет два пути адъективации: лексико-грамматический и грамматический. Лексико-грамматический содержит три способа адъективации в соответствии с употребляемым значением: прямое (*пишущий человек*), переносное (*говорящая кукла*) и терминологическое (*открытый слог*). На адъективацию лексико-грамматическим способом могут указывать следующие признаки:

1. препозитивное употребление причастий;
2. утрата залогового значения и отсутствие временных значений;
3. причастия, выражающие постоянный признак (*начинающий водитель*).

Второй путь адъективации, при котором играют роль грамматические факторы, обнаруживается благодаря таким признакам, как отсутствие соотносительной временной формы (*печеный хлеб* (нельзя *пекомый*)), разрыв связи с инфинитивом (*сущий* от глагола *быть*), архаизация одной из параллельно употребляемых форм (*испытующий взгляд*, а не *испытывающий*) и возможность присоединения приставки к причастной форме (*врожденный*)².

Подводя итоги, можно выделить два основных взгляда на проблему адъективации:

1. адъективация — словообразовательный процесс, при котором причастия наделяются качественными значениями и переходят в прилагательные;

¹ Бахарев А. И. Адъективация причастий в историко-теоретическом освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1972.

² Лукин М. Ф. Переход причастий в прилагательные и существительные в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1965. С. 5—8.

2. адъективация — явление, связанное с полисемией, при котором причастия приобретают адъективные значения, но не отрываются от системы глагола, сохраняют связь с глаголом.

Традиционной считается первая точка зрения, согласно которой причастия переходят в прилагательные. Адъективация может проходить двумя способами: лексико-грамматическим и грамматическим¹.

Из большого перечня признаков адъективации причастий, приведем те, которые актуальны для нашего исследования:

1. отсутствие зависимых слов;
2. наделение причастий качественными значениями;
3. терминологическое употребление;
4. несоответствие временного значения основному времени, выраженному глаголом-сказуемым;
5. возможность образования форм сравнительной и превосходной степени сравнения;
6. несоотнесенность с другими глагольными формами: у него *уставший вид* (у него *устал вид*)².

1.3. Отглагольные прилагательные с суффиксами -уч-, -ач- в истории русского языка

Говоря об отглагольных прилагательных с суффиксами -уч-, -ач-, необходимо коснуться следующих вопросов:

1. неоднородный состав класса (образования от причастий или исконные прилагательные);
2. жанровые и стилистические особенности употребления слов с суффиксами -уч-, -ач- и -ущ-, -ащ-;

¹Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев и др. СПб., 2013. С. 484.

²Там же.

3. синтаксическое разграничение слов с суффиксами -уч-, -ач- и -ущ-, -ащ-;

4. терминологические сочетания, в состав которых входят отглагольные прилагательные с суффиксами -уч-, -ач-.

Как уже было сказано, класс прилагательных с суффиксами -уч-, -ач- неоднороден по своему составу. Н. П. Зверковская вслед за И. Б. Кузьминой, Е. В. Немченко выделяет внутри этого класса две группы. Первая включает в себя прилагательные от глагольных основ настоящего времени, которые в древнерусском языке регулярно функционировали в системе глагола и входили в класс причастий (*бегающий, жгучий, гремячий, стоячий* и т. д.). Вторая группа содержит менее регулярные образования от глагольных корней, которые никогда не употреблялись как причастия, они являются исконными прилагательными (*гремучий, зыбучий, сыпучий, кусачий* и т. д.)¹.

Н. П. Зверковская объясняет причины неоднородного характера изучаемого класса. Исследовательница отмечает, что процесс адъективации действительных причастий настоящего времени шел уже к моменту появления письменности, постепенно формируя первую группу образований с суффиксами -уч-, -ач-, которые параллельно могли функционировать и как причастия, и как прилагательные. В XIV веке заметно увеличивается количество образований с суффиксами -уч-, -ач-, в связи с чем начинает формироваться отдельный адъективный класс, в котором появляются слова, никогда не являвшиеся причастиями (*гулячий, висучий* и т. д.).

Такой рост распространения отглагольных прилагательных с суффиксами -уч-, -ач- Н. П. Зверковская связывает не только с продуктивностью нового класса, но и с все большим проникновением этих слов из народно-разговорного типа языка в язык письменных памятников —

¹Зверковская Н. П. К истории прилагательных с суффиксами -уч-, -ач- в русском языке (на материале памятников XI — XVII вв.) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985. № 16. С. 198; об этом также см. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. №2. С. 122—139.

грамот, летописей и некоторых других памятников деловой и бытовой письменности.

Это также объясняет жанровое и стилистическое разграничение образований с суффиксами -уч-, -ач- и с суффиксами -ущ-, -ащ-. Слова с восточнославянскими суффиксами -уч-, -ач- чаще употреблялись в памятниках деловой и бытовой письменности и в летописях, а слова со старославянскими суффиксами -ущ-, -ащ- включались в церковно-книжные тексты¹.

Это явление описано в работе И. Б. Кузьминой, Е. В. Немченко. Исследователи отдельно рассматривают полные и краткие формы образований с суффиксами -уч-, -ач- и с суффиксами -ущ-, -ащ-. Только несколько из встретившихся в материалах И. Б. Кузьминой, Е. В. Немченко полных прилагательных зафиксированы в памятниках, не относящихся к деловой и бытовой письменности. Они зафиксированы в летописях, которые, по мнению исследователей, ближе стоят к церковно-книжным памятникам: Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, Устюжский летописный свод.

Стилистическое и жанровое разграничение, по наблюдениям этих ученых, иллюстрируется также соотношением кратких форм образований с суффиксами -уч-, -ач- и -ущ-, -ащ-. Во всех памятниках, кроме грамот XII—XIV вв., превалируют формы с суффиксами -ущ-, -ащ- (в грамотах зафиксировано только 2 словоупотребления со старославянскими суффиксами и 32 с восточнославянскими суффиксами). Сравнивая памятники по количеству употреблений слов с суффиксами -уч-, -ач-, исследователи отмечают, что большое количество образований с этими суффиксами зафиксировано в Новгородской Кормчей 1280 г., в Пчеле конца XVI в. В этих памятниках их количество приближается к количеству слов с суффиксами -ущ-, -ащ-. В летописях также встречается большое количество слов с

¹Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982. С. 286—289; также см. Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952. С. 260—267.

суффиксами -уч-, -ач-, однако их значительно меньше, чем слов с -ущ-, -ащ-. В связи с этим стоит отметить Летопись Новгородскую (первую) по синодальному списку XIII—XIV вв., в которой количество образований с суффиксами -уч-, -ач- (60 словоупотреблений) приближается к количеству образований с суффиксами -ущ-, -ащ- (83 словоупотребления). В церковно-книжных памятниках зафиксировано лишь по одному или два примера употребления образований с восточнославянскими суффиксами¹.

В старорусский период становится более четким функциональное разграничение образований с суффиксами -уч-, -ач- и образований с суффиксами -ущ-, -ащ-, ранее употреблявшихся параллельно. Тенденция к употреблению полных форм действительных причастий с суффиксами -уч-, -ач- в функции определения, а причастий с суффиксами -ущ-, -ащ- в предикативной функции существовала уже в дописьменную эпоху. Она также зависела от жанровых и стилистических особенностей текста. Тенденция к функциональному разграничению не распространялась на переводную литературу и церковно-книжные памятники, где употреблялись формы с суффиксами -ущ-, -ащ- и в предикативной, и в атрибутивной функциях². В остальных памятниках в старорусский период все еще наблюдается параллельное употребление образований с восточнославянскими и старославянскими суффиксами, но значительно реже³. Это подтверждается наблюдениями И. Б. Кузьминой, Е. В. Немченко.

И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко зафиксировали в изученном материале следующие образования с суффиксами -уч-, -ач-: *бегающий, бежачий, будучий, висячий, впредыдучий, гремячий, лежащий, падучий, сидячий, смердячий, спячий, стоячий, ходячий, хотячий.*

¹Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982. С. 286—289.

²Зверковская Н. П. К истории прилагательных с суффиксами -уч-, -ач- в русском языке (на материале памятников XI—XVII вв.) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985. № 16. С. 199.

³Там же.

Из этих слов в качестве причастия употреблялось, сохраняя связь с глаголом, *будучий* со значением «находящийся, пребывающий»: *то(т) нишъ толмачъ о(т)пуще(н) к ниши(м) посланнико(м), будучи(м) в Крымъ* (Московская деловая и бытовая письменность XVII века). Также связь с глаголом, по словам исследователей, не потеряли лексемы *бегающий, бежачий, висячий, лежащий, спячий, ходячий*. Они встречаются не только в роли прилагательного, но и причастия. Например, *збиль меня с ногъ и, чеканъ ухватя, лежачева по спинъ удариль трижды* (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, XVII век). Другие слова (*впредыдучий, гремячий, падучий, сидячий, смердячий, стоячий, хотячий*) отмечаются исследователями только в качестве прилагательных. Особенно выделяются среди них слова, входящие в терминологические сочетания (*сидячие бояре, ходячие деньги, ходячий рубль, падучая скорбь*) или составные наименования (например, топонимы *Смердячая Девица, Гремячей колодезь* и т. д.).

О росте терминологической лексики в старорусский период (XV—XVII вв.) писали А. Н. Кожин, Е. М. Иссерлин¹. Е. М. Иссерлин в работе «Лексика русского литературного языка XVII века» говорит о терминологической лексике, включая в это понятие не только специальные термины в узком значении, но и конкретно-бытовую лексику.

Исследовательница отмечает, что терминологическая лексика также зависит от жанра. Особенно это заметно в многообразном материале памятников XVII века. Одни из них содержат большое количество терминологической лексики, связанной с реальной жизнью Московской Руси (деловая письменность). Другие, напротив, бедны такой лексикой (высокая литература). В церковно-книжной системе литературного языка не могла вырабатываться лексика, относящаяся к конкретно-бытовым понятиям.² Третьи допускают использование терминологической лексики или не прибегают к ней — это литература промежуточных жанров (биографическая

¹Кожин А. Н. Литературный язык Московской Руси. М., 1984; Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII в. М., 1961.

² Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII века. М., 1961. С. 22—23.

литература, описание путешествий, географическая и историческая литература, повести)¹.

Терминологические сочетания, в состав которых входят прилагательные с суффиксами -уч-, -ач-, подробно комментирует Е. Л. Голубева².

Исследовательница говорит об употреблении прилагательных с суффиксами -уч-, -ач-, опираясь на памятники XVII века, касаясь в большей степени семантического аспекта и особенностей сочетаемости изучаемых образований с другими словами. Рассмотрим подробнее методы ее исследования и результаты работы.

Е. Л. Голубева, говоря об употреблении прилагательных с суффиксами -уч-, -ач-, акцентирует свое внимание на семантических изменениях при переходе слов из одной сферы бытования в другую. Какие-то значения исчезают, а какие-то, напротив, появляются. Связь изучаемых слов с разговорным языком, по ее мнению, подтверждается большим количеством примеров употребления в фольклоре³.

В качестве основного материала для уточнения данных исследования Е. Л. Голубева использовала картотеку словаря древнерусского языка.

Материал Е. Л. Голубевой подтверждает тезис о том, что многие отглагольные прилагательные с суффиксами -уч-, -ач- вошли в сложные терминологические сочетания, состоящие из прилагательного и существительного и обозначающие чаще всего названия тех или иных бытовых реалий. Соответственно, изучаемый класс прилагательных функционирует в связи с определенным кругом существительных, ограничивающих сферу семантической сочетаемости для каждого из исследуемых слов. Свободное употребление прилагательных на -чий в памятниках XVII века отмечается в редких случаях. Некоторые из них в это время встречались параллельно с действительными причастиями настоящего

¹ Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII века. М., 1961. С. 15.

² Голубева Е. Л. Прилагательные с суффиксами -уч- (-юч-), -ач- (-яч-) в русских памятниках XVII века // *Kalbotyга*. 1963. №6. С. 217—226.

³ Там же. С. 217.

времени (*стоячий* — *стоящий*, *лежащий* — *лежащий*, *бегущий* — *бегущий*, *ходячий* — *ходящий* и др.). Именно такие образования являются объектом исследования Е. Л. Голубевой¹.

Для трех оппозиций (*стоячий* — *стоящий*, *лежащий* — *лежащий*, *текущий* — *текущий*), которые содержат слова, не утратившие связи с причастием, Е. Л. Голубева приводит значения и примеры употребления в памятниках письменности в качестве свободных словосочетаний. Однако основная часть статьи посвящена терминологическим образованиям, так как они, как было сказано, употреблялись значительно чаще.

Е. Л. Голубева приводит подробный анализ семантической эволюции и особенностей сочетаемости на разных этапах истории языка для таких лексем, как *стоячий*, *ходячий*, *горячий*, *живущий*. Приведем краткий обзор анализа одного из названных слов.

Прилагательное *стоячий* в составе терминологического сочетания *стоячий хлеб* фиксируется в памятниках XV века. Оно обозначает «стоящий на корню, не сжатый». В этом сочетании оно функционирует и в XVI веке. В XVII веке в деловой письменности примеры употребления данного слова расширяются, появляются такие сочетания, как *острог стоячий*, *тын стоячий*, *бревна стоячие*. В подобных сочетаниях прилагательное все еще сохраняет связь с глагольной формой. В современном русском языке прилагательное *стоячий* употребляется с существительными, в сочетании с которыми оно противопоставляется другому понятию того же ряда: *стоячий воротник* — *отложной воротник*, *стоячая лампа* — *висячая лампа*².

Е. Л. Голубева отмечает, что в свободных сочетаниях связь прилагательных с суффиксами -уч-, -ач- с глагольными формами была сильнее, в терминологических она была ослабленной³.

¹Голубева Е. Л. Прилагательные с суффиксами -уч- (-юч-), -ач- (-яч-) в русских памятниках XVII века // *Kalbotuga*. 1963. №6. С. 217—218.

² Там же. С. 219—221.

³ Там же. С. 225.

Подводя итоги, необходимо еще раз отметить, что в период XV—XVII вв. отглагольные прилагательные с суффиксами -уч-, -ач- в большинстве случаев функционально разграничивались: образования с суффиксами -уч-, -ач- использовались в качестве прилагательных, образования с суффиксами -ущ-, -ащ- — в качестве причастий. В это время, хоть и значительно реже по сравнению с древнерусским периодом (XI—XIV вв.), все еще встречаются образования с суффиксами -уч-, -ач- в качестве причастий. Яркой чертой, характеризующей функционирование класса отглагольных прилагательных с суффиксами -уч-, -ач- в XV—XVII вв., является активное распространение терминологических сочетаний, в состав которых они входили.

Глава 2. Прилагательные с суффиксами -уч- и -ач- в XV—XVII вв. на фоне предшествующего и последующего исторических периодов

2.1. Прилагательные с суффиксами -уч- и -ач- в старорусский период (XV—XVII вв.)

Класс прилагательных с суффиксами -уч-, -ач- в старорусский период (XV—XVII вв.), по нашим данным, состоит из 60 слов.

Сбор материала осуществлялся по следующим источникам:

1. Материалы к словарю древнерусского языка И. И. Срезневского (далее — словарь И. И. Срезневского);
2. Словарь русского языка XI—XVII вв. (далее — словарь XI—XVII вв.);
3. Электронная библиотека литературы Древней Руси (далее — БЛДР)¹;
4. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII (далее — СОРЯ);
5. картотека к «Словарю обиходного русского языка Московской Руси», которая хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета;
6. Научные издания, снабженные словоуказателями словоуказателям, разговорники (руководства по русскому языку), региональные исторические словари;
7. Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ)².

В собственном тексте мы используем орфографически модернизированные формы глаголов.

¹Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Библиотека литературы Древней Руси. URL: <http://odrl.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1941> (дата обращения: 30.05.2018).

²Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 30.05.2018).

Ниже приведена таблица, которая отражает фиксацию каждого слова в использованных источниках. Номера по горизонтали соответствуют нумерованному списку источников.

Таблица 1. Прилагательные с суффиксами -уч-, -ач- в рассматриваемых источниках.

		1	2	3	4	5	6	7
1	бегучий		+		+			
2	будучий		+		+			+
3	вертячий							+
4	висучий		+		+			
5	висячий		+		+		+	+
6	вонючий				+			+
7	глядячий				+			+
8	гноючий				+			
9	горючий		+	+	+			+
10	горячий		+	+	+			+
11	гремучий		+	+	+			+
12	дремучий				+			
13	дышучий		+	+				
14	едучий ¹		+		+			
15	едучий ²							+
16	живучий		+		+			
17	зрячий		+			+		
18	зыбучий		+			+		
19	идучий					+		+
20	кипячий		+				+	
21	клеву́чий					+		
22	колючий		+					
23	лежачий		+			+	+	+
24	летучий		+			+		+
25	лета́чий		+			+		
26	линючий		+					
27	мимоходячий						+	
28	могучий		+			+		
29	надымаючий						+	
30	невысыхаючий						+	
31	немину́чий		+			+		+

¹ Образовано от глагола *ѣсти*.

² Образовано от глагола *ехати*.

32	неплачий		+			+		
33	падучий		+			+	+	+
34	пахнучий					+		+
35	плавучий		+					+
36	пывучий		+				+	
37	походячий		+				+	
38	прирастающий						+	
39	пролетучая							+
40	прорыскучий							+
41	протекающий						+	
42	прошачий					+		
43	растучий					+	+	
44	рыскучий		+					
45	садячий						+	
46	серогорячий		+			+		
47	сидячий		+	+		+	+	+
48	складающий						+	
49	скрипучий		+					
50	смердячий		+					
51	смотрячий						+	
52	спячий							+
53	стоячий		+			+	+	+
54	съедучий					+		
55	сыпучий					+		+
56	текучий					+	+	+
57	трясучий					+		
58	ходячий	+				+	+	+
59	хотячий							+
60	шумячий					+		

2.1.1. Морфологическая характеристика прилагательных с суффиксами -уч- и -ач-

Все прилагательные можно разделить на две группы:

1. Прилагательные, которые образованы от глаголов 1, 2, 3 и 5 праславянских классов (в нее входят образования только с суффиксом -уч-);
2. Прилагательные, которые образованы от глаголов 4 класса (в нее входят прилагательные и с суффиксом -уч-, и с суффиксом -ач-).

Одно прилагательное (*хотячий*) не входит в эти группы, так как образовано от разноспрягаемого глагола *хотеть*.

В первую группу (32 прилагательных) вошли лексемы *бегучий, будучий, вонючий, дремучий* (от глагола *дремати*), *дышучий, едучий¹, едучий², живучий, зыбучий* (от глагола *зыбати*), *идучий, клеучий, колючий, линючий, могучий, надымающий, невысыхающий, неминучий, падучий, пахнучий, плавучий, пльвучий, прирастающий, прорыскающий, протекающий, растучий, рыскающий, складающий, скрипучий, съедучий* (от глагола *съѣсти*), *сыпучий, текучий, трясучий*.

Во вторую группу (27 прилагательных) вошли лексемы *вертячий, висучий, висячий, глядячий, гноющий* (от глагола *гноити*), *горючий, горячий, гремячий* (от глагола *гремети*), *зрячий, кипячий, лежащий, летучий, летячий, мимоходячий, неплачий* (от глагола *платити*), *походячий, пролетучий, прошачий* (от глагола *просити*), *садячий, серогорячий, сидячий, смердячий, смотрячий, спячий, стоячий, ходячий, шумячий*.

Рассмотрим слова первой группы, в которую вошли прилагательные, образованные от глаголов 1, 2, 3, 5 классов.

1 класс (10 слов): *едучий², живучий, идучий, могучий, падучий, плавучий* (от глагола *плути*), *пльвучий, растучий, текучий, трясучий*;

2 класс (2 слова): *пахнучий, неминучий*;

3 класс (16 слов): *вонючий, дремучий, дышучий, зыбучий, клеучий, колючий, линючий, надымающий, невысыхающий, прирастающий, протекающий, прорыскающий, рыскающий, складающий, скрипучий, сыпучий*;

5 класс (3 слова): *будучий, едучий¹, съедучий*.

Можно увидеть, что большую часть первой группы, в которую вошли слова, образованные от глаголов 1, 2, 3, 5 классов, составляют прилагательные, образованные от глаголов 3 праславянского класса. Вдвое меньше прилагательных, образованных от глаголов 1 класса. Три прилагательных образовано от глаголов 5 класса, и два слова образовано от глаголов 2 класса.

В первой группе (т. е. в той, к которой относятся прилагательные, образованные от глаголов 1, 2, 3 и 5 классов) стоит прокомментировать

прилагательные, связанные с глаголами 2 и 3 классов, так как они, во-первых, составляют самые редкие и самые частотные образования и, во-вторых, они интересны с точки зрения морфологического состава.

Среди прилагательных от глаголов 3 класса можно выделить те, которые образованы от основы настоящего времени (их всего 5: *надымающий, невысыхающий, прирастающий, протекающий, складающий*), и прилагательные, образованные от усеченной основы настоящего времени или от усеченной основы инфинитива (например: *вонючий, линючий, клевучий* и др.). 5 слов от основы настоящего времени зафиксированы в памятнике XVI в. «Назирателе» (пособие по организации дома и домашнего хозяйства, а также плодоводству, овощеводству и земледелию) и имеют по одному примеру употребления. Например: *такъ всякои дворъ подобает ставити. чтобы во своем ограждении могль имѣти воду. и будет тамо не была бы вода блиско всегда текучая, тогда в дому подобает имѣти колодез. а перед двором какои прудокъ невысыхающеи. чтобы такъ колодез былъ угодень людем. а прудокъ для животины; но обаче толко через годъ овощи подают того для что оных лѣтораслеи прирастающих множество тягнетъ ко своему корму всю мокроту, с которыи могль бы быти овощь.* (Назиратель, XVI в.) Можно предположить, что образования от основы настоящего времени от глаголов 3 класса были нехарактерны для русского языка XV—XVII вв. и в данном случае их употребление является особенностью памятника. Прилагательные, образованные от усеченной основы настоящего времени или основы инфинитива глаголов 3 класса, напротив, наиболее частотны. Многие из них сохранились в современном русском языке: *вонючий, дремучий, зыбучий, сыпучий.*

Отдельно надо прокомментировать слова *дышущий* и *скрипучий*, которые ошибочно могут быть отнесены к прилагательным, образованным от глаголов 4 праславянского класса *дышати* и *скрипети*. По данным словарей древнерусского языка, глагола *дышати* не существовало, был глагол *дыхати*, который имел две параллельные парадигмы *дышетъ* и *дыхаетъ*. В

словаре XI—XVII вв. фиксируются оба глагола (*дыхати* и *дышати*), однако для слова *дышати* приводится один контекст, а для слова *дыхати* — словарная статья с пятью значениями и устойчивым словосочетанием *Дышущее море*. Таким образом, прилагательное *дышущий* было образовано от глагола *дыхати*, а глагол *дышати*, видимо, является более поздним образованием.

По данным словаря И. И. Срезневского, существовал глагол *скрипати*, глагол *скрипети* не зафиксирован. Однако в словаре И. И. Срезневского для глагола *скрипати* приводится только один пример. В словаре XI—XVII вв. фиксируются оба глагола, однако примеры тоже единичны, поэтому трудно сказать, от какого глагола образовано прилагательное *скрипучий*. Возможно, у глагола *скрипати* так же было две параллельные парадигмы: *скрипают* и *скриплют*. Тогда прилагательное *скрипучий* могло быть образовано по модели большинства слов от глаголов 3 класса от усеченной основы настоящего времени (ср. *сыплючий* — *сыпучий*). Если предположить, что прилагательное *скрипучий* образовано от глагола 4 класса с помощью незакономерного с точки зрения морфологического состава причастия суффикса -уч-, у него была бы морфологическая пара *скрипячий* (ср. *горючий* — *горячий*, *кипучий* — *кипячий*, *висучий* — *висячий*). Однако, возможно, форма с суффиксом -ач- просто не зафиксирована в текстах. Мы все же остановимся на предположении о том, что прилагательное *скрипучий* образовано от глагола 3 праславянского класса.

Нами зафиксировано только два прилагательных, образованных от глагола 2 класса, — это слова *неминучий* и *пахнучий*: *Видит бѣду неминучую, прислал ко мнѣ со слезами* (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (1672—1675)); *Люди астромове, или астонии, живутъ во Индийской земли. Сами мохнаты, без обоихъ губъ. А питаются от древъ и кореня пахнучево и от цвѣтовъ, и от яблокъ лесныхъ, а ни пьютъ, ни ядятъ, толко нюхают.* (Хронографа 1617 г.) Вероятно, образования прилагательных с суффиксом -уч- от глаголов 2 класса были нехарактерны.

Слово *пахнучий* образовано от глагольной основы настоящего времени, но уже в XVIII веке фиксируется употребление только формы *пахучий*, образованной от усеченной основы настоящего времени. Слово *неминучий* сохранилось в современном русском языке, подробнее о нем будет сказано ниже.

Вторая группа, к которой относятся прилагательные, образованные от глаголов 4 класса, по нашим данным, состоит из 27 слов, среди которых встречаются образования и с суффиксом -уч-, и с суффиксом -ач-. Образования с суффиксом -уч- незакономерны с точки зрения морфологического состава причастий. Возможно, их появление объясняется принципом аналогии, так как первичными считаются образования с суффиксом -уч- от глаголов с основой на о/е¹.

Такая вариативность суффиксов в прилагательных от глаголов 4 класса приводит к возникновению образований от одной основы с помощью обоих суффиксов: *висячий* — *висучий*, *горячий* — *горючий*, *летающий* — *летучий*. Интересно отметить сохранение или несохранение мягкости согласного перед суффиксами -уч-, -ач-. Чтобы увидеть закономерности в этом явлении, расширим список морфологических пар, варианты которых образованы от одного и того же глагола, включив в него все подобные образования, зафиксированные в более поздние периоды. Таким образом, группу вариативных образований от глаголов 4 праславянского класса составляют следующие формы: *горячий* — *горючий*, *висячий* — *висучий*, *летающий* — *летучий*, *бродячий* — *бродучий*, *гремячий* — *гремучий*, *кипячий* — *кипучий*. Итак, можно увидеть, что мягкость согласного сохраняется во всех формах перед суффиксом -ач- и не сохраняется перед суффиксом -уч-. Исключением является пара *горячий* — *горючий*, в которой мягкость сохраняется в обоих случаях.

Стоит обратить внимание на время и особенности появления слов, которые в старорусский период (XV—XVII вв.), по нашим источникам, еще

¹ Колесов В. В. История русского языка. М., 2005. С. 381.

не имеют морфологической пары, но приобретут ее впоследствии. Это слова *гремячий* и *кипячий*.

Рассмотрим сначала слова *гремячий* и *кипячий*, которые закономерно с точки зрения морфологического состава причастий образованы с помощью суффикса -яч-. Слово *гремячий* фиксируется еще в текстах древнерусского периода (XI—XIV вв.), слово *кипячий*, по нашим данным, появляется только в текстах старорусского периода (XV—XVII вв.). Надо сказать, что они довольно частотны в текстах исследуемого периода (XV—XVII вв.): *гремячий* фиксируется в словаре XI—XVII вв., в СОРЯ и в НКРЯ; *кипячий* фиксируется в словаре XI—XVII и в «Вестях-Курантах 1648—1650 гг.». Их пары, формы *гремучий* и *кипучий*, фиксируются только в текстах XVIII в., по данным «Словаря Академии Российской» и «Словаря русского языка XVIII в.».

В этом отношении сильно отличается слово *бродучий*, которое, напротив, сначала фиксируется в «Древних российских стихотворениях, собранных Киршею Даниловым» (XVIII в.) с незакономерным с точки зрения морфологического состава причастий суффиксом -уч-, и только в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля фиксируется форма *бродячий*. Необходимо отметить, что в СОРЯ приводится фразеологическое сочетание *бродучий след* («хорошо заметный, отчетливый след прошедшего человека»), что может свидетельствовать о развитой семантической структуре рассматриваемого слова и его частотном употреблении. Отсутствие в исследуемых материалах слова *бродячий*, возможно, объясняется использованием до XVIII в. адъективированного причастия *бродящий* в качестве прилагательного: *А на которого человека в роспросе и с пытки язык говорит в розбое... а тот будет человек бродящий, а о обыску бити челом не учнет, а скажет, что его нигде не знают: и того человека по язычной молке пытати.* (Соборное уложение, 1649 г.); *Известил мне [воеводе С. Хруцову]... на козачья десятника на Моксимку Стеблева...*

бродящей старец Ефремка Сухарукой. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов, 1670 г.)

Слова с разными суффиксами от одной глагольной основы интересны также с точки зрения семантики. Несмотря на то что во всех рассматриваемых парах (*горячий — горючий, висячий — висучий, летячий — летучий*) прилагательные взаимозаменяемы как минимум в одном значении, соотношение их семантических структур не одинаково. Рассмотрим каждую пару отдельно.

В паре *горячий — горючий* более разветвленной семантической структурой обладает закономерная с точки зрения морфологического состава причастий форма с суффиксом -яч-. В словаре XI—XVII вв. для слова *горячий* выделяется два значения, в СОРЯ — шесть значений и множество устойчивых словосочетаний. Для слова *горючий* в указанных словарях приводится по два значения, которые повторяют соответствующие значения прилагательного *горячий*.

Такое же соотношение наблюдается в паре *висячий — висучий*. Для слова *висячий* в СОРЯ приводится два значения, а для слова *висучий* — одно.

Иначе соотносятся слова в паре *летячий — летучий*. Форма с суффиксом -уч- имеет два значения и входит в два терминологических словосочетания (*летучая мышь* и *летучий огонь* (название инфекционной болезни, проявляющейся в виде сыпи, сопровождающейся сильным зудом)), а форма с суффиксом -ач- фиксируется в одном значении и в составе одного терминологического сочетания (*летячий огонь*). Таким образом, более разветвленную семантическую структуру в паре *летячий — летучий* имеет незакономерная форма с суффиксом -уч-.

Ко второй группе (прилагательные, образованные от глаголов 4 класса) относятся два сложных слова: *мимоходячий* и *серогорячий*. *Мимоходячий* образовано от глагола *мимоходить*, а *серогорячий* — от устойчивого словосочетания *сера горячая*. По данным словаря XI—XVII вв., *серогорячий* обозначает бледно-желтый цвет. Например: *Кушель Государь по Столовой, а*

на Государь было платья: *опашень стърогорячей цвѣтъ, ферези теплые, зипунъ съ тою жь обнизью*. (Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексия Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев, 1645 г.) Интересно, что при горении сера темнеет и пламя имеет синий цвет, а это значит, что прилагательное *серогорячий* появилось не в результате внешнего сходства с обозначенным признаком (бледно-желтый цвет). Прилагательного *серогорячий* образовано от устойчивого словосочетания *сера горячая*, так как связь компонентов была настолько велика, что прилагательное употреблялось с существительным даже в том случае, если способность этого вещества гореть не имела никакого значения. Стоит отметить, что в словаре также фиксируется прилагательное *серный* («относящийся к сере»), но оно не зафиксировано в значении цвета.

Также во второй группе, в которую вошли прилагательные, образованные от глаголов 4 класса, выделяется прилагательное *прошачий*, в котором -с- закономерно изменилась в -ш-, возможно, под влиянием форм *прошенный, прошу*, где появление -ш- не противоречит правилам.

Из всего исследуемого класса особенно стоит отметить приставочные образования, среди которых прилагательные, образованные от глаголов 3, 4 и 5 классов: *надымающий, невысыхающий, неминучий, неплачий, походячий, прирастающий, пролетучий, прорыскучий, протекающий, складающий, съедучий*.

Среди них выделяются прилагательные *неминучий* и *походячий*. *Неминучий* фиксируется в «Словаря русского языка XI—XVII вв.», в картотеке к «Словарю обиходного русского языка Московской Руси» и в «Национальном корпусе русского языка». Оно входит в состав устойчивых словосочетаний *неминучая беда, неминучая смерть*, в которых уже в XV—XVII вв. связь между компонентами была, вероятно, так велика, что существительное могло опускаться, и прилагательное употреблялось самостоятельно, обозначая «безвыходное положение»: *А что видит молодец*

неменучую, покорился Горю нечистому. Повесть о Горе и Злочастии. XVII в. Таким образом, можно утверждать, что слово *неминучий* в XV—XVII вв. уже закрепилось в языке. Также стоит отметить, что это единственное слово из приставочных образований, которое сохранилось в современном русском языке.

Среди приставочных образований выделяется прилагательное *походячий*. По нашим данным, оно встречается в 4 контекстах и имеет 2 значения: «переходящий с места на место» и «передвижной, на колесиках». Также надо сказать, что в древнерусских текстах *ходячий* во всех примерах из БЛДР употребляется только с приставками, подробнее об этом будет сказано в следующем разделе. Остальные прилагательные данной группы имеют по одному контексту, что может говорить о нерегулярности приставочных образований. Рассмотрим подробнее оставшиеся единицы: *надымающий, невысыхающий, неплачий, прирастающий, пролетучий, прорыскающий, протекающий, складающий, съедучий*.

Пять слов (*надымающий, невысыхающий, прирастающий, протекающий, складающий*) уже были упомянуты как образования от глаголов 3 класса от основы настоящего времени. В группе приставочных образований они составляют почти половину рассматриваемых прилагательных. Напомним, что все они фиксируются в памятнике XVI в. «Назирателе».

Слова *пролетучий* и *прорыскающий* зафиксированы в «Любовном заговоре» (1690—1710): *Не пади, моя река огненная, ни в мед, ни в патоку, ни в зеленое вино, <...>, ни на птицу пролетучую, ни сидя[ч]ую, ни на зверя прорыскающего, ни ходячего, ни стоячего, ни спячего...* Слово *съедучий* фиксируется в исторической песне: *По лесам да... темным / Звери да все съедучие...* (Исторические песни XIII—XVI веков, XVI в.) Таким образом, три слова (*пролетучий, прорыскающий* и *съедучий*) зафиксированы в фольклорных текстах.

Слово *неплачий* в словаре XI—XVII вв. толкуется как прилагательное в значении существительного *неплательщик*: *И ти до меня до Ивана деньги*

дошли съ Лодми всисполна, и дѣла мнѣ Ивану до Лодмянъ въ томъ розметъ нѣтъ. А стояти на неплачихъ (в подлиннике на *нанеплачихъ*) *съ одного.* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии, 1548 г.) Возможно, прилагательное *неплачий* — это искаженное слово *неплатячий*.

Таким образом, большая часть слов относится к одному и тому же памятнику, три слова фиксируются в фольклорных текстах, и одно представляет собой, возможно, искаженное образование. Как было сказано, каждое слово имеет по одному контексту. Эти признаки свидетельствуют о нерегулярности приставочных образований. Можно предположить, что редкое употребление приставочных прилагательных с суффиксами -уч- и -ач- объясняется тем, что приставка усиливает глагольные признаки рассматриваемых образований, в то время как единицы исследуемого класса стремятся к адъективации.

Особенно интересно отметить неоднозначность в функционировании семантических ролей существительных, к которым относятся исследуемые прилагательные. Большая часть из них играет роль агенса. В этом случае в прилагательных сохраняется генетическая связь с причастиями действительного залога, т. е. сохраняется значение способности выполнять действие (например: *зрячий человек* — человек, способный видеть). Однако встречаются примеры, где существительное, к которому относится прилагательное, меняет семантическую роль (например: *зрячая трубка* — трубка, через которую смотрят (семантическая роль инструмента)¹. Семантическая роль существительного, по нашим материалам, меняется в словосочетаниях с прилагательными *бегучий, зрячий, надымающий, садячий, складающий*. Например: *Велѣно имъ агличаномъ... чтобъ камки и тафты были тѣльны и сукна густы и въ мѣртъ не малы и въ моченьѣ не бегучи.* (Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комиссией, Т.

¹ Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. и др. М., 2010. С. 370 — 377; Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Богданов С. И., Евтюхин В. Б., Князев Ю. П. и др. СПб, 2013.

III, 1649 г.); *только то, что в древесехъ частии складныхъ ли составленныхъ. немощно есть такъ отделить и познати. какъ то во лнѣ, или в' конопляхъ и прочая части слагательныя, или составленыя во всякой вещи, сия бо нарицаем. которые складающие иныхъ. но отъ прежнихъ неслагательныхъ суть сложенные и составленыя. сия же суть корень пень, и лѣторасль всякая въ древеси.* (Назиратель, XVI в.); *огородники многимъ древесамъ либо лѣтораслемъ обстѣкаютъ верхи садячие.* (Назиратель, XVI в.)

В старорусский период (XV—XVII вв.) образования с суффиксами -уч- и -ач- в основном употребляются как прилагательные, но встречаются и причастия от соответствующих глаголов. В наших материалах в качестве причастий зафиксированы следующие слова: *будучий, едучий, идучий, кипячий, лежащий, мимоходячий, ходячий.* Большая часть из них обозначает глаголы движения и нахождения в пространстве: *едучий², идучий, лежащий, мимоходячий, протекающий, сидячий, ходячий.* Например: *А какъ услышали васъ едучихъ, испужався, побежали* (История вкратце о Бохеме (1650—1675)); *и во весь ей станъ человеческий, в парное ей тело нагое в (таком-то) платее, стоячихъ, сидячихъ, лежачихъ, спячихъ, ходячихъ и дорогой идучихъ, в ей згляд (такой-то)...* (Любовный заговор (1690—1710)).

Рассмотрим образования, обозначающие движение, перемещение в пространстве. В трех имеющихся контекстах для слова *едучий²* оно употребляется в качестве причастия, примеров употребления в качестве прилагательного нет. *А какъ услышали васъ едучихъ, испужався, побежали* (История вкратце о Бохеме (1650—1675)); *И дабы тому вышереченному дворянину нашему Петру, какъ туды едучему, такъ и назадъ в государство наше возвращающемся, в пути его нигде никакого препятствия и озлобления и никакой досады не было* (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697—1699 (1699)).

Слово *идучий* употребляется и в качестве причастия, и в качестве прилагательного. Например, в качестве причастия: *Не пади, моя река огненная, ни в мед, ни в потоку, ни в зеленое вино ... ни на какого человека,*

кроме сей девицы и[мярек] волосом и кровью, в еи ясные (такие-то) очи, и в (такое-то) лицо, и в горячую кровь, в еи в белое тело ... в парное еи тело нагое в (таком-то) платеи, стоячих, сидячих, лежачих, спячих, ходячих и дорогой идучих. (Любовный заговор (1690—1710)). В качестве прилагательного слово употребляется в словосочетании *идучие часы*.

Слово *ходячий* в большинстве контекстов употреблено в качестве прилагательного в составе таких устойчивых словосочетаний, как *ходячий торг*, *ходячий рубль*, *ходячие деньги*, однако встречаются примеры его употребления в качестве причастия: *Волному воля ходячему путь* (Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст.); *...ни на зверя прорыскучего, ни ходячего, ни стоячего, ни спячего, ни на скотину четвероногую...* (Любовный заговор (1690—1710)); *или под зверя земнаго ходячево и под птицу поднебесную летучую и ходячую по земли и по древе и на воде плаваюча* (Охотничий заговор (1650—1675)).

Лексема *мимоходячий* в наших материалах фиксируется один раз: *мимоходящие люди, видячи тамо овощи добрые станут к нимъ приходити*. (Назиратель, XVI в.) В словаре XI—XVII вв. фиксируется слово *мимоходящий* в качестве прилагательного со значением «преходящий, временный, недолговечный»: *Всю поплываста мимоходящую славу*. (Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг., 1096 г.) В Словаре русского языка XVIII в. *мимоходящий* используется как причастие в первом значении от глагола *мимоходить* («проходить мимо, около чего-либо, кого-либо; миновать кого-либо, что-либо»). Например: *Есть люди, которые одним взглядом об мимоходящем человекѣ получают ясное понятие не только о всѣх чертах лица, но и о всем его одѣянии*. (Эйлер Л. Письма о разных физических и филозофических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе с фр. Яз. На рос. Перев. Степаном Румовским, 1768—1774 гг.) В нашем примере слово *мимоходячий* употреблено в этом же значении и является причастием.

Слово *лежащий* обозначает положение предмета в пространстве. Эта лексема в XV—XVII вв. была очень частотна, входила в устойчивые словосочетания, однако употреблялась и в качестве причастия. Например: *И ты самъ того покоя не хотя, лежащего змя на хвостъ наступаешь.* (Дополнения к Актам историческим, т. X. 1682 г.); *А Архипко де Аникиевъ, прибѣжавъ съ ослопом, хотѣлъ бить ево Савку лежащего.* (Дело о причинении во время драки увечья, имевшего последствием своим смерть изувеченного, 1697 г.)

Интересно также отметить слово *будущий*, которое выделяется в составе исследуемого класса, потому что, по нашим данным, употребляется только в качестве причастия и при этом имеет разветвленную семантическую структуру. В словаре XI—XVII вв. приводится 4 значения: 1. Находящийся, пребывающий; 2. Являющийся кем-либо; 3. Будущий; 4. Прибывающий приезжающий. Эти значения можно дополнить примерами из СОРЯ и НКРЯ: *И все войско при них [генеральном есауле и его брате] будущее, нашего царского величества у боярина и воеводы и наместника Белгородского у князя Григорья Григорьевича Ромодановского в полку... служат верно.* (Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 2, 1670 г.); *Тот губернатор учтил меня зело изрядно и, как я от него пошел, проводил меня со всеми при нем будучими за ворота дому своего с великою любовью.* (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697—1699 (1699)). Возможно, сильная связь с глаголом позволила слову *будущий* сохраниться в современном русском языке в качестве деепричастия *будучи*.

Слово *кипящий* фиксируется и как прилагательное, и как причастие. В словаре XI—XVII вв. сопровождается пометой «причастие». Оно имеет довольно разветвленную систему значений: «1. Нагретый до кипения (в знач. прил.); 2. Доведенный нагреванием до жидкого состояния (о твердых телах); 3. Наполненный, насыщенный». Лексема *кипящий* в четырех примерах употребляется в качестве причастия. Например: *И приведе его под едину*

высокую каменную гору, с которой вода течаше, и оною водою нача псы парить, аки варомъ, сирѣчь<ь> кипячею водою. (Книга глагоемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих, 1670 г.)

2.1.2. Семантическая характеристика прилагательных с суффиксами -уч- и -ач-

Основной чертой рассматриваемых прилагательных в старорусский период (XV — XVII вв.) является расширение их семантической структуры. В этот период фиксируется большое количество терминологических и устойчивых словосочетаний, в состав которых входят прилагательные с суффиксами -уч- и -ач-. 26 прилагательных из 60 входит в состав хотя бы одного терминологического или устойчивого словосочетания¹. Это прилагательные *бегучий, висучий, висячий, вонючий, глядячий, гноючий, горячий, горячий, гремучий, дремучий, дышучий, едучий¹, живучий, зрячий, лежащий, летучий, летячий, могучий, неминучий, падучий, плавучий, плывучий, сидячий, текучий, ходячий*. 14 из 26 слов входят в состав одного устойчивого или терминологического сочетания. Другие 12 слов используются в нескольких устойчивых или терминологических словосочетаниях. В таблице приведены все примеры таких образований с толкованием и комментарием к ним, взятыми из словарей и других источников. Прилагательные в таблице даны в порядке увеличения набора устойчивых словосочетаний, в которые они входят.

Словосочетание	Т/У ²	Толкование, комментарий
Бегучий огонь	Т	Полоска пороха, насыпанная в дощатой трубе или желобе для сообщения огня

¹К терминологическим словосочетаниям мы отнесли словосочетания, обозначающие какие-либо специальные понятия в области науки и бытовые реалии. К устойчивым словосочетаниям относятся топонимы и те словосочетания, в состав которых входят постоянные эпитеты. Однако следует иметь в виду определенную степень условности подобного разграничения.

²Т — терминологическое словосочетание; У — устойчивое словосочетание.

		заряду.
Висучий/висячий замок	Т	Висячий замок.
Вонючая душа	У	Человек, лишенный радостных чувств, отталкивающий своей злобой, ненавистью к окружающим. Бранно.
Глядячая смерть	У	Значение в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» неясное (?).
Гноющая мазь	Т	Мазь, вытягивающая гной.
Дремучий лес	У	Непроходимая чаща; вековые недоступные леса.
Дышущее море	У	Топоним, Белое море и Северный ледовитый океан.
Едучие волки	У	Фольклорное. Голодный, прожорливый, способный съесть.
Живучая мазь	Т	Заживляющая мазь.
Зрячая трубка	Т	Подзорная труба.
Летячий огонь	Т	Название инфекционной болезни, проявляющейся в виде сыпи, сопровождающейся сильным зудом.
Плавучий/пльвучий мост	Т	Мост, держащийся на воде.
Неминуемая беда	У	Неотвратимая беда, безвыходное, крайне опасное положение.
Могучие плечи	У	Фольклорное.
Могучий богатырь	У	Фольклорное.
Сидячие бояре и боярыни	Т	Третий чин (роль) в свадебном обряде, гости на свадьбе, которые не ходят в церковь с новобрачными, а сидят за столом с родителями жениха и невесты.
Сидячий деисус	Т	Центральная икона (или группа икон), на которой Иисус Христос, Богородица, Иоанн Предтеча и все святые изображены в сидячем положении.
Текучая вода	Т	Проточная вода.
Текучий зверь	Т	Водоплавающие грызуны.
Летячий/летучий змей		Крылатый змей, дракон (как название артиллерийского оружия типа пушки).
Летячий/летучий огонь	Т	Название инфекционной болезни, проявляющейся в виде сыпи, сопровождающейся сильным зудом.
Летучая мышь	Т	Летучая мышь.
Гремячие чѣпи	Т	Предмет парадного конского убранства. Серебряные цепи, спускавшиеся от

		передней луки на бока коня. Они шли параллельно седлу и при малейшем движении лошади издавали мелодичный серебряный звон ¹ .
Гремячая гора	У	Топоним. Гремячая гора — название горы.
Гремячий Колодезь	У	Топоним. Гремячий Колодезь — название деревни.
Гремячий ручей	У	Шумный, звонкий ручей. Или ручей, текущий по каменистому руслу.
Падучая болезнь	Т	Эпилепсия.
Падучая вода	Т	Впадающий, являющийся притоком. Или отлив (на Белом море).
Падучее озерко	Т	Озерко, связанное протоком с расположенным ниже на местности более крупным водоемом.
Ходячий рубль/ходячие деньги	Т	Официально употребляемые монеты московской чеканки.
Ходячее облако	У	Фольклорное.
Лежачий тын	Т	Ограда из горизонтально лежащих бревен.
Лежачие деньги	Т	Неиспользуемые, излишние.
Лежачая служба	Т	Гарнизонная служба.
Лежачее колесо	Т	Небольшое колесо с зубцами по ребру обода, укреплявшееся на стоячем валу и находившееся в горизонтальном положении.
Горючее/горячее вино	Т	Тип спиртного напитка.
Горючая/горячая сера	У	Сера, способная гореть.
Горючие/горячие слезы	У	Жгучие, вызванные сильным горем.
Горючая/горячая кровь	У	Темперамент, характер.
Горючий камень	Т	Фольклорное. Алатырь, загадочный камень, упоминаемый в сказках и заговорах. Чудесный камень, который был положен спасителем в основание Сионского храма. Он был принесен с Синая и поставлен там как алтарь.
Стоячий деисус	Т	Центральная икона (или группа икон), на которой Иисус Христос, Богоматерь, Иоанн Предтеча и все святые изображены во весь рост.

¹ Музеи Московского Кремля [сайт]. URL: <https://www.kreml.ru/exhibitions/virtual-exhibitions.drevnosti-gosudarstva-rossiyskogo-v-tvorchestve-fg-solntseva/ekipazhi-i-konskoe-ubranstvo/> (дата обращения: 15.05.2018).

Стоячий хлеб	Т	Несжатый хлеб.
Стоячий ворот	Т	Находящаяся в вертикальном положении простейшая машина для подъема, передвижения груза, состоявшая из вращающегося вала, на который наматывался канат или цепь.
Стоячий тын	Т	Ограда из вертикально поставленных бревен.
Стоячий воротник/ожерелье	Т	Воротник стоячий, а не отложной.
Стоячие часы	Т	Напольные часы.

Из приведенных словосочетаний больше всего терминологических. Они связаны с разными сферами жизни: с медициной (*живучий* или *гноучий малхан/мазь, летучий/летающий огонь, падушья болезнь*), с бытом (*лежащий* или *стоячий тын, стоячий хлеб, лежащие деньги*), военным делом (*лежащая служба, бегущий огонь*), зоология (*летучая мышь, текущий зверь*).

Самое большое количество терминологических и устойчивых словосочетаний образуется с прилагательными, которые были зафиксированы еще в текстах древнерусского периода (XI—XIV вв.): *ходячий, лежащий, горячий, горячий, стоячий*. Интересно, что в основном именно прилагательные, образованные от глаголов со значением движения и нахождения в пространстве (т. е. сохраняющие дольше остальных связь с глаголом), имеют наиболее разветвленную систему терминологических сочетаний, что, напротив, является признаком адъективации. Пример самой разветвленной системы терминологических словосочетаний — прилагательное *стоячий*: оно образует такие терминологические словосочетания, как *стоячий деисус, стоячий хлеб, стоячий тын, стоячий, стоячая вода, стоячий воротник* или *стоячее ожерелье*.

Большая часть приведенных словосочетаний комментируется в словаре XI—XVII вв., в СОРЯ и в источниках, предназначенных для его составления, но необходимо обратить внимание на словосочетания *гремячие цепи и горячий камень*, толкования которых можно дополнить. В словаре XI—XVII

вв. для слова *гремячий* приводится один контекст со значением «гремящий», то есть с основным, сопоставимым с соответствующим причастием значением: *А лошади держати готовы в нарядах, чѣпни гремячие под золотными покровцы.* (Чин свадебный, XVI—XVII вв.) Приведенный контекст можно дополнить примерами из НКРЯ: *А у лошадей у многих наряды были конские чѣпни серебряные гремячіе и поводные и сѣдла кованые и иные конские наряды* (Записная книга Московского стола 7149 года (1640—1641 гг.); *У нихъ же были лошади простые, а на лошадахъ, которые подъ ними и на простыхъ были наряды чѣпни гремячіе, а у иныхъ чѣпни поводные и всякіе конские наряды* (Там же.). Оказывается, *гремячие цепи* — это не просто цепи, которые гремят, а терминологическое словосочетание, обозначающее предмет парадного конского убранства. Это серебряные цепи, спускавшиеся от передней луки на бока коня, шедшие параллельно седлу и при малейшем движении лошади, издававшие мелодичный серебряный звон¹.

Также можно дополнить толкование словосочетания *горючий камень*. Словосочетание *горючий камень* в СОРЯ сопровождается пометой «фольклорное» и приводится в контексте из памятника «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (XVIII в.). Впоследствии, начиная с 3 тома, составители словаря отказались использовать этот источник. В наше исследование он тоже не включается. Однако помимо СОРЯ это словосочетание фиксируется в НКРЯ (тоже в фольклорном тексте): *У моря окіяна лежит бел горюч камен[ь] калмык (?). На белом горючем камне калмыке (?) збегались 32 и един бес[ы] Сотонины и бес[ы] Сотоницы, а с нимя...* (Заговор наслатъ тоску на девицу, 1688—1689 гг.) Как и многие словосочетания, сопровождающиеся пометой «фольклорное» (*едучие волки, могучие плечи, могучие богатыри, ходячие облака*), мы могли бы определить словосочетание *горючий камень* как устойчивое. Однако в словаре В. И. Даля мы находим развернутое определение этого

¹ Музеи Московского Кремля [сайт]. URL: <https://www.kreml.ru/exhibitions/virtual-exhibitions.drevnosti-gosudarstva-rossiyskogo-v-tvorchestve-fg-solntseva/ekipazhi-i-konskoe-ubranstvo/> (дата обращения: 15.05.2018).

словосочетания: «алатырь, загадочный камень, упоминаемый в сказках и заговорах: бел-горюч камень, лежащий на дне морском, либо на море на кияне, на острове на буяне; вероятно янтарь». В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера дается более глубокое толкование слова *алатырь*: «„всем камням камень”, близ которого упала Голубиная книга; также латырь. Это чудесный камень, который был положен спасителем в основание Сионского храма. Он был принесен с Синая и поставлен там как алтарь». Таким образом, опираясь на толкования в приведенных словарях, мы определяем словосочетание *горючий камень* как терминологическое.

Отдельно надо сказать о группе топонимов, в состав которых вошли исследуемые прилагательные: *Гремячая гора*, *Гремячий Колодезь*, *Дышущее море*. Наименование *Дышущее море* обозначает Белое море или Северный Ледовитый океан. Других примеров употребления прилагательного *дышущий* не зафиксировано. Прилагательное *гремячий*, напротив, очень часто использовалось в обозначении мест. Помимо употреблений в составе указанных словосочетаний, оно встречается самостоятельно: *На Гремячемъ резанецъ Федоръ Ондреевъ сынъ Лихаревъ, посланъ во 156 году, въ сентябрь*. (Записная книга Московского стола 7157 года (1648—1649)); *На Гремячемъ Микифоръ Васильевъ сынъ Изволской; посланъ по 154 году, въ октябрь*. (Записная книга Московского стола 7155 года (1646—1647)). Также стоит отметить, что топоним *Гремячая гора* сохранился и продолжает использоваться сегодня. *Гремячая* (или Козьмодемьянская) *гора* находится в Пскове. Козьмодемьянской гора называлась по названию церкви Козьмы и Дамиана Козьмодемьянского (Гремяцкого) монастыря. Также близ горы была крепостная стена с Гремячими воротами, через которые можно было проехать к горе. Над ними была башня, которая называлась Гремячей¹. Она была разрушена, и название перешло на другую башню, сохранившуюся до наших дней, самую высокую в Пскове, построенную в 1525 г.: *В лето 7033*

¹ Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913. С. 190—192; Спегальский Ю. П. Архитектурно-художественные памятники. Псков, 1978. С.205—206.

(1525 год) повеле князь Василий Иванович своему дьяку Мисюрю Мунехину поставить стрельницу каменную на Гремячей горе, над Псковою рекою на кручи и того лета сделаши тайник. Псковская летопись, 1547 г.

Также в наших материалах один раз упоминается деревня Гремячий Колодезь: *А дѣлали ту городовую стѣну бѣломѣсныя отаманы и ихъ крестьяне тридцать сажень, да деревни Гремячего Колодезя дѣти боярскіе шесть сажень, да городовыхъ и уѣздныхъ паповъ и ихъ крестьянъ и бобылей и захребетниковъ тринадцать сажень* (Строенная книга г. Воронежа, 1670 г.). Этот топоним тоже сохранился и используется как наименование села в Семилукском районе Воронежской области.

Среди устойчивых словосочетаний можно отметить фольклорные (*едущие волки, могучие плечи, могучие богатыри, ходячее облако*) и одно словосочетание с пометой «бранное» (*вонючая душа*). В СОРЯ это словосочетание фиксируется в двух контекстах: *Тогда азъ, девица, отъ распадения, впаду в преступление со младымъ отрокомъ, с молотцомъ хорошимъ, а не с тобою, старымъ мужемъ, с вонючею душею, с понурою свиньею* (Притча о старом муже, XVII в.); *Жил бы ты [отрок] дома, плел бы ты лапти. Жаба, мышь, лихая образина, вонючая твоя душа, нечистой дух... Голова ли тебѣ отсечь, за тын ли тебя бросить, лише тем тебя избыть* (Сказ о молодце и девице, XVII в.). Другие два контекста в наших материалах отражают прямое значение прилагательного (имеющий дурной запах): *[Список исцеленных:] Снѣ еѣ [женщины из Дисфурта] был скорбен из дѣтска из уха шла кров з гноем вонючая* (Вести-Куранты, 1645—1646 г.); *Я, не кручинясь, вамъ истину велѣлъ отписать какова рыба, священникъ Иосифъ самъ видѣлъ какова вонюча* (Грамота патриарха Никона архимандриту Филофею о строгом воспрещении присылать испортившуюся рыбу, 1664 г.).

Таким образом, тексты старорусского периода (XV—XVII вв.) отражают активное развитие класса прилагательных с суффиксами -уч- и -ач. С одной

стороны, это подтверждается большим количеством нерегулярных образований (например, приставочные образования от основы настоящего времени глаголов 3 класса или прилагательные, образованные от глаголов 2 класса). С другой стороны, образования с суффиксами -уч- и -ач- продолжают развиваться в соответствии с наметившимися тенденциями древнерусского периода (XI—XIV вв.): адъективацией, расширением семантической структуры, увеличением количества устойчивых и терминологических словосочетаний. Рассмотрим исследуемый класс прилагательных в текстах древнерусского периода (XI—XIV вв.) и текстах XVIII—XIX вв., чтобы лучше увидеть, насколько значимым был старорусский период (XV—XVII вв.) в формировании класса.

2.2. Прилагательные с суффиксами -уч- и -ач- в древнерусский период (XI — XIV вв.)

Список прилагательных, употреблявшихся в древнерусский период, формировался по обратному словнику к «Материалам для словаря древнерусского языка по письменным памяткам» И. И. Срезневского (словарь И. И. Срезневского), «Словарю русского языка XI—XIV вв.» (словарь XI—XIV вв.) и материалам «Библиотеки литературы Древней Руси» (БЛДР). В отношении работы со словарями стоит отметить, что поиск словоупотреблений осуществлялся и по отдельным словарным статьям на прилагательные исследуемого класса, и по статьям соответствующих глаголов, что связано с необходимостью выявления причастных и деепричастных образований с суффиксами -уч-, -ач-. Всего было зафиксировано 13 слов: *горячий, лежащий, стоящий, ходячий, падушый, бегущий, горючий, гремущий, живущий, могущий, дышущий, гниющий, назрячий.*

	Слово	Словарь XI — XIV вв.	И. И. Срезневский	Тексты
1	Горячий	+	+	+

2	Лежачий	+	+	+
3	Могучий	+	-	-
4	Стоячий	?	+	+
5	Ходячий	?	+	+
6	Падучий	-	+	-
7	Живучий	-	+	-
8	Погоручий	-	-	+
9	Гремучий	-	-	+
10	Дышучий	-	-	+
11	Гниючий	-	-	+
12	Назрячий	-	+	-

Из 12 лексем восемь встретились только в роли прилагательных (*горячий, могучий, падучий, погоручий, гниючий, дышучий, гремучий, назрячий*), одно слово — только в роли причастий (*живучий*), остальные слова — и в роли причастий, и в роли прилагательных (*лежачий, стоячий, ходячий*).

Как говорилось в теоретической главе, некоторые прилагательные исследуемого класса восходят к причастиям, а некоторые исконно являются прилагательными. Главным образом, это иллюстрирует материал именно древнерусского периода. В это время некоторые слова рассматриваемой группы еще не адъективировались и употреблялась в качестве причастий. Чтобы доказать эту тенденцию, необходимо рассмотреть каждое слово в разных контекстах.

Слова будут описываться в следующем порядке:

1. лексемы, зафиксированные только в роли прилагательных;
2. лексемы, зафиксированные и в качестве прилагательных, и в качестве причастий;
3. лексемы, зафиксированные только в роли причастий.

Группа 1. Лексемы, зафиксированные только в роли прилагательных
Горячий

Словарь XI—XIV вв. В словаре XI—XIV вв. на слово *горячий* содержится отдельная статья, снабженная пометой «прилагательное». В скобках приводится цифра 7 со звездочкой (7*), где 7 — количество словоупотреблений, а звездочка — исчерпывающая подача примеров.

Значение слова *горячий* — «раскаленный». В статье содержатся все семь контекстов. В каждом из них *горячий* является одиночным определением без зависимых слов. В двух случаях лексема употреблена в краткой форме в сочетании с существительными *железо* и *уголь*, что может указывать на причастный характер употребления (*и налъзоша быкъ великъ и силенъ. и повель раздражити быка. возложиша на нь желъза горача* (Повесть временных лет (далее — ПВЛ), XII в., список XIV в.); *Съ въпросимъ. кто таиноу може(т) хранити; <и> отъвъща. иже оугль горачь может возложити на языкъ* (Пчела, XIII в., список XIV вв.)). Однако для словосочетания *горячее железо* в этой же статье дано два примера с использованием полной формы прилагательного, что свидетельствует исключительно об атрибутивной функции употребления.

Также необходимо отметить в данной статье один случай переносного значения: *се же сну. и слыщаль еси. что ты горачеи оутробою. любо любнымъ огнемь палимо. Изреко(х) бо ти* (Уваровский сборник, XIV в., список XVII в.). Переносное значение свидетельствует о наделении слова признаками качества. Следовательно, данный пример подтверждает адъективную природу лексемы *горячий* в текстах древнерусского периода.

В этой же статье приводятся два примера в разных списках памятника: *напрягль еси стрѣлы с чемеремъ и съ стѣрою горячею на голову свою и на домъ свои* (Златая цепь, XIV в.). При осаде городов, чтобы устроить пожар, захватчики использовали зажигательные стрелы, покрытые смолой или серой. Таким образом, в данном контексте слово *горячий* используется не в значении «раскаленный», а в значении «горящий».

Словарь И. И. Срезневского. Значение — «горячий, жаркий». В статье приводятся два контекста, оба не пересекаются с примерами из словаря

XI—XIV вв.; прилагательные употреблены как одиночные определения без зависимых слов. Оба использованы в переносном значении. В первом контексте (*Чему гне простре горячую свою лучю на ладъ вои* (Слово о полку Игореве, XII в., список XVI в.)) речь идет о горячих лучах солнца. Во втором примере приводится словосочетание *горячее сердце* (*Тако и молитва, егда отъ горяча сердца будеть*, Творения Кирилла. еп. Туровскаго, XII в., список XIV в.) в значении «отличающийся глубиной чувства; выражающий сильное чувство». В таком значении, пишет Е. Л. Голубева, слово *горячий* в исследуемых ею памятниках XVII века использовалось только в сочетании с существительным *слезы*. До XVII века, утверждает исследовательница, в указанном значении употреблялось причастие *горящии* (*върою теплою и горящим желаниемъ* (Житие Стефания Пермского, XV в.); *горящею верою моляся* (Житие Интиохия Сийского, XVI в.); *Подобаетъ намъ... зъ горячею любовью божия помощи къ себѣ искати* (Поучение летописца))¹. При этом слово *горячий* в цитате из Кирилла Туровского в словаре И. И. Срезневского употреблено в этом значении и в похожем по смыслу контексте (ср.: *молиться с горячей верой/с горячим сердцем*).

Библиотека литературы Древней Руси. В рассматриваемых текстах зафиксировано три словоупотребления. Все они пересекаются с данными словарей. Лишь контекст из ПВЛ находим здесь в составе Ипатьевского списка, а не Лаврентьевского, как в словаре XI—XIV вв.

Таким образом, семь из 11 словоупотреблений представляют полную форму слова *горячий*, нет ни одного примера с зависимыми словами, в трех контекстах слово *горячий* употреблено в переносном значении. Можно предположить, что слово *горячий* в текстах древнерусского периода уже функционировало только в качестве прилагательного.

Погоручий, гремачий

¹ Голубева Е. Л. Прилагательные с суффиксами -уч- (-юч-), -ач- (-яч-) в русских памятниках XVII века // *Kalbotyra*. 1963. №6. С. 224.

Словарь XI—XIV вв. Не зафиксировано.

Словарь И. И. Срезневского. Не зафиксировано.

Библиотека литературы Древней Руси. В исследуемых памятниках встретилось по одному примеру на каждое слово. Оба слова употреблены в качестве прилагательных. Приставочное образование *погоручий* используется в составе терминологического сочетания, обозначающего «золотые монеты из червонного золота»: *Инии же тонко стьно събирающе, продаяху поль гривны въса на четырехъ златницехъ атитьскихъ, яже суть 8 златникъ погоручих.* (История иудейской войны, XII в., список XV в.). Слово *гремячий* употребляется в составе имени собственного: *Вскоръ смысливъ посылаетъ своего слугу, ихъ же знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихъ къ собѣ въ городъ, обрывать подь Гремячимъ колодеземъ на рѣцѣ гдѣ, иже и ныне той сопъ стоитъ пусть.* (Летописные повести о татаро-монгольском нашествии, XIII в., список XIV в.). Стоит обратить внимание на употребление суффиксов в данных примерах. Слова *погоручий* и *гремячий* являются морфологическими парами по отношению к формам *горячий* и *гремучий*. Можно увидеть, что в текстах древнерусского периода фиксируется очень мало примеров: слово *погоручий* встречается только в одном значении (золотые монеты из червонного золота), которое к XV—XVII вв. уже, вероятно, исчезает, т. к. в 19 примерах в текстах старорусского периода (XIV—XVII вв.) оно не зафиксировано. Слово *гремячий* также встречается в одном контексте в составе топонима, который мы комментировали в разделе о старорусском периоде (XIV—XVII вв.): *Гремячий Колодезь* — наименование села в Семилукском районе Воронежской области.

Могучий

Словарь XI—XIV вв. В словаре XI—XIV вв. в статье на прилагательное *могучий* приведен один пример с употреблением его в роли субстантивированного прилагательного: *повелѣхомъ бо сего ради на высоту стльства добръ могучая и крѣпкыя възводити, не тѣломъ крѣпкы но дшею и*

разумомь. (Кормчая Рязанская, 1284 г., список XV в.). Один пример в словаре XI—XIV вв. дан под * (исчерпывающее количество примеров).

Словарь И. И. Срезневского. Не зафиксировано.

Библиотека литературы Древней Руси. Не зафиксировано.

Таким образом, сложно сделать какие-либо выводы по поводу функционирования слова *могучий* в древнерусский период. Нельзя утверждать, что оно употреблялось исключительно как прилагательное.

Падучий

Словарь XI—XIV вв. Не зафиксировано.

Словарь И. И. Срезневского. Значение прилагательного *падучий* в словаре И. И. Срезневского сопровождается знаком вопроса (впадающий (?)): *Даль в домъ Святаго Спаса и Святаго Благовѣщенья свои рыбные ловли по Сурѣ рѣкъ..., и всѣ озера отъ рѣчки отъ Курмышки внизъ Сурою, источные и глухѣ, и роздерти, и заводи, и пески, и съ падучими рѣками*. (Жалованная грамота Суздальского великого князя Бориса Константиновича Спасскому Благовещенскому монастырю, 1393 г.) Это значение также встречается в текстах старорусского периода.

Библиотека литературы Древней Руси. Примеров на лексему *падучий* в текстах древнерусского периода не зафиксировано.

Как и слово *могучий*, лексема *падучий* встречается только в одном контексте, поэтому сложно делать какие-либо выводы в отношении его функционирования в текстах древнерусского периода.

Дышучий, гниючий, назрячий

Словарь И. И. Срезневского. В словаре И. И. Срезневского в отдельной статье прилагательное *назрячии* («выращенный, созревший») иллюстрируется одним примером (случай субстантивации): *Или доспехъ, или конь, или иное што, назрячее и животное*. (Псковская судная грамота,

XIV—XV вв.) В текстах старорусского периода (XIV—XVII вв.) не зафиксировано.

Библиотека литературы Древней Руси. В текстах древнерусского периода было зафиксировано в роли прилагательных три слова (*дышучий, гниючий, назрячий*), которые утрачены в современном русском языке. Параллельно со словами *дышучий, гниючий* употреблялись и формы с суффиксами -ущ-, -ащ-, которые сохранились в современном русском языке. В исследуемом древнерусском материале лексема *дышучий* встретила один раз как название моря (*Отсель до угорь и до ляховъ, до чаховъ, от чаховъ до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от нѣмецъ до корѣлы, от корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоймици погани, и за Дышючимъ моремъ* (Слово о гибели Русской земли, XIII в., список XV в.)). Как говорилось ранее, наименование *Дышучее море* обозначает Белое море и Северный ледовитый океан. В старорусский период (XV—XVII вв.) это словосочетание также употребляется только в этом значении. Слово *гниючий* встречается один раз в роли прилагательного (*И плакася Ной 40 дни, и явися ему анггелъ Господень, указа ему древо негнеючее, рекомое кѣдръ, и рече: “В сем древе созидь ковчег”* (История Иудейской войны, XII в., список XV в.)). В текстах старорусского периода (XV—XVII вв.) оно не зафиксировано.

Прилагательные *дышучий, гниючий, назрячий* свидетельствуют о том, что состав класса прилагательных с суффиксами -уч-, -ащ- менялся на протяжении истории русского языка: какие-то слова появлялись и существовали дольше (*дышучий*), какие-то — меньше (*гниючий, назрячий*).

Группа 2. Лексемы, зафиксированные и в качестве прилагательных, и в качестве причастий

Лежачий

Словарь XI—XIV вв. Словарной статьи на прилагательное *лежачий* нет, но зафиксировано 2 словоупотребления в статье на глагол *лежати*. В первом случае лексема *лежати* употреблена как «причастие в роли

существительного» (помета в словаре): *Мьстиславъ же... видѣвъ лежащихъ стѣчены... се лежить Стѣверанинъ. а се Варагъ.* (ПВЛ, XII в., список XIV в.). В текстах старорусского периода (XV—XVII вв.) тоже фиксируется это значение: *Онъ же [воев. Пашков] рыкнулъ, яко дивий звѣрь, и ударилъ меня по щоке... збилъ меня с ногъ и, чеканъ ухватя, лежачева по спинъ ударилъ трижды.* (Житие протопопы Аввакума, XVII в., список XVII в.) Во втором примере используется краткая форма причастия, а вместо суффикса -ач- употребляется суффикс -уч-: *погубленъ бы(с). содомъ и гоморъ. злаго ради нрава. иже вы ныне держите. мужъ с мужи лежюче.* (Палея толковая, 1406 г.). Такая вариантность суффиксов распространена в текстах древнерусского и старорусского периодов. Рассматривая такие морфологические пары, мы упоминали *горячий — горячий, висячий — висучий, летячий — летучий, кипячий — кипучий, гремячий — гремучий.* Слова *лежащий — лежючий* не вошли в анализ, потому что это единственный пример употребления суффикса -уч- в слове, образованном от глагола *лежать*.

Словарь И. И. Срезневского. В словаре И. И. Срезневского дана отдельная статья на слово *лежащий* со значением «лежащий». В единственном приведенном контексте лексема употреблена в полной форме, без зависимых слов, со значением горизонтального расположения: *Мотовило лежащее, подъ исподомъ два рубежа.* (Писцовые книги (Известия Императорского археологического общества, 1858 г.)) Мотовило — это знак в бортном знамени, его ставили бортники на деревьях, в которых находили дупла с пчелами. Каждый бортник имел свой знак, который состоял из комбинации прямых, ломаных, иногда кривых линий. Описанный в статье знак изображен рядом с примером. Очевидно, слово в данном контексте используется как прилагательное.

Библиотека литературы Древней Руси. В рассматриваемых текстах встретилось 2 примера употребления, один из которых повторяет цитату из ПВЛ, указанную в словаре XI—XIV вв. (по списку Лаврентьевской

летописи), но списки памятников отличаются. В примере из Ипатьевского списка слово употреблено в краткой форме.

Второй пример из рассматриваемых памятников не зафиксирован в словарях. В нем лексема *лежащий* используется в качестве причастия в краткой форме с зависимыми словами: *И суть кости его и до сего лѣта тамо лежаще, сына Свѣслава и внука Ярослава.* (ПВЛ по списку Ипатьевской летописи, XII в., XV в.)

Четыре из пяти словоупотреблений функционируют как причастия, из них 2 случая субстантивации. Один контекст содержит слово *лежащий* в роли прилагательного. Из этого следует вывод, что лексема *лежащий* в текстах древнерусского периода могла функционировать и как причастие, и как прилагательное.

Стоячий

Словарь XI—XIV вв. Не зафиксировано.

Словарь И. И. Срезневского. В словаре И. И. Срезневского приводится статья со значением «находящийся в стоячем положении: стоячий хлѣбъ — не сжатый». Однако все примеры относятся к XV — XVI вв. При этом в словаре И. И. Срезневского в статье на глагол *стояти* обнаруживается пример со словом *стоячий*: *Вѣтви же его близъ земля приклонилися суть, яко можетъ на земли стоячи мужь вѣтви его досячи.* (Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII века, список XII в.) В данном случае слово *стоячий* употреблено в роли причастия.

Библиотека литературы Древней Руси. В рассматриваемых текстах было найдено три примера, среди которых один включает в себя прилагательное *стоячий* в краткой форме: *Ископаста яму в глубину челоуѣка стояча.* (Сказание о Макарии Римском, XI — XII вв., список XIV в.) Другие два примера — употребление слова *стоячий* в роли причастия: *И положиша и въ церкви святаго Спаса, юже создалъ самъ, бѣ бо въздано ея при немъ*

възвыше, яко на конь стоячи рукою досячи (Повесть временных лет по списку Ипатьевской летописи, XII в., список XV в.).

Как и лексема *лежащий*, слово *стоячий* в текстах древнерусского периода употреблялось и как причастие, и как прилагательное. Параллельно использовались формы с суффиксами -ащ- (-ящ-), что подтверждается тем же контекстом в другом списке Повести временных лет: *Положиша и (Мстислава) оу сто Спса, юже самъ заложилъ, бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко на кони стояще досящи*. (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, XII в., список XIV в.)

Группа 3. Лексемы, зафиксированные только в роли причастий

Ходячий

Словарь XI—XIV вв. Не зафиксировано.

Словарь И. И. Срезневского. В словаре И. И. Срезневского в отдельной статье на слово *ходячий* приводится значение «обычно употребляющийся, обыкновенный». Однако все примеры относятся к XV веку. В статье на глагол *ходить* приводится пример с формой *ходячи* из Ипатьевской летописи.

Библиотека литературы Древней Руси. В рассматриваемых нами текстах встретилось четыре случая употребления слова *ходячий* в роли причастия. В трех случаях слово *ходячий* употреблено с приставками и в одном — в составе сложного слова *мимоходячий*: *А отходяче со слом царства нашего да допроводять к великому князю Игореву рускому и к людемъ его, и ти, приимающе харотью, на роту идуть хранити истину, якоже мы свѣщахом и написахом на харотью сию, на нейже суть написана имена наша; Сего же лѣта исходяча, иде Давыдъ Святославичъ из Новагорода къ Смоленску, новгородцѣ же идоша Ростову по Мъстислава Володимерич* (ПВЛ по списку Ипатьевской летописи, XII в., XV в.); *Грабители же и ись сель приходяче грабяху* (Повесть об убиении Андрея Боголюбского, XII в., список XIV в.),

аще не можете даромъ — брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ человека по всѣмъ землямъ либо добрымъ, либо злымъ (ПВЛ по списку Ипатьевской летописи, XII в., список XV в.).

Живучий

Словарь XI—XIV вв. Не зафиксировано.

Словарь И. И. Срезневского. Лексема *живучий* употреблена в качестве причастия, которая зафиксирована только в словаре И. И. Срезневского в статье на глагол *жити* в составе устойчивого словосочетания «жити въ одномъ хлѣбѣ», что означает «жить в одном доме»: *Менши братъ... жиоучи в одномъ хлѣбе с ватиши братомъ...* (Псковская судная грамота, XIV в.)

Библиотека литературы Древней Руси. Не зафиксировано.

Тексты древнерусского периода свидетельствуют о том, что среди образований с суффиксами -уч-, -ач- с большой вероятностью адъективация произошла только в слове *горячий*, так как нет ни одного примера его употребления в роли причастия. Исключительно в роли прилагательных также встретились слова *погоручий, могучий, гниучий, дышучий, гремячий, назрячий, падучий*. Для каждого из этих слов в исследуемых материалах нашлось по одному контексту. Лексемы *живучий, ходячий*, напротив, встретились только как причастия, поэтому нельзя говорить об их адъективации. Для слов *лежащий* и *стоящий* обнаруживаются примеры употребления и в роли причастий, и в роли прилагательных.

В древнерусский период состав класса прилагательных с суффиксами -уч- и -ач- значительно меньше, чем в старорусский период (12 и 60 слов). Две из 12 лексем уже не фиксируются в текстах старорусского периода (*назрячий, гниучий*). Также, по нашим данным, количество контекстов для этого периода чрезвычайно ограничено, что мешает делать более точные выводы (семь из 12 слов имеют по одному контексту). В текстах древнерусского

периода морфологические пары почти не фиксируются. Лишь пара *горячий* — *погоручий* отражает это явление. Стоит отметить, что в текстах более поздних периодов употребляется только форма *горючий* с мягким согласным перед суффиксом. В остальных морфологических парах в старорусский период и позднее мягкость не сохраняется (*висучий, гремучий, кипучий* и др.), чему соответствовало слово *погоручий* в древнерусский период.

В древнерусский период исследуемые слова имеют по одному значению. Лексема *горячий* также фиксируется в переносном значении. Два слова встречаются только в составе топонимов. Таким образом, семантическая структура исследуемых слов в древнерусский период значительно беднее, чем в старорусский.

2.3. Прилагательные с суффиксами -уч- и -ач- в XVIII—XIX вв.

Анализ функционирования класса прилагательных с суффиксами -уч-, -ач- в XVIII—XIX вв. будет осуществляться по «Словарю Академии Российской» (САР), по «Словарю русского языка XVIII века» (СлРЯ XVIII), по «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля (Сл. Даля), по «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (Сл. под ред. Ушакова) и по данным НКРЯ. Как говорилось ранее, в отношении позднего периода мы не учитываем диалектный материал и данные диалектных словарей. Посмотрим, как изменился класс прилагательных с суффиксами -уч- и -ач- в XVIII—XIX вв.

В XVIII—XIX веках судьба класса прилагательных с суффиксами -уч-, -ач- прежде всего связана с появлением новых лексем, образованных по той же модели. Эти слова входили в употребление сразу в функции прилагательного, и их связь с глаголом может быть только генетической. Однако в это время те слова, которые вошли в употребление в древнерусский и старорусский периоды, еще могли обнаруживать прямую связь с глаголом. Она выражалась в употреблении соответствующих деепричастий с

суффиксами -уч-, -ач-. При этом такие случаи употребления для XVIII—XIX веков уже крайне редки.

Помимо этого, XVIII—XIX века отмечены рядом тенденций в отношении исследуемого класса. Основная черта его развития — активное расширение системы значений. Как следствие можно выделить увеличение устойчивых словосочетаний, более развитую сочетаемость, появление новых терминологических сочетаний.

Необходимо отметить, что чем раньше прилагательное вошло в активное употребление, тем шире становится его семантическая структура к XIX веку; чем позже, тем более велика вероятность того, что значение, в котором слово начинает функционировать, сохранится либо без дополнений и изменений, либо с незначительными дополнениями.

Анализ будет осуществляться в том же порядке, что и в предыдущем разделе:

1. Лексемы, зафиксированные только в роли прилагательных;
2. Лексемы, зафиксированные и в качестве прилагательных, и в качестве деепричастий.

Прежде чем рассматривать функционирование исследуемых 34 лексем в XVIII—XIX веках, обратимся к материалам, в которых они зафиксированы.

Слово	XVIII			XIX		
	САР	СлРЯ XVIII	НКРЯ	Сл. Даля	Сл. под ред. Ушакова	НКРЯ
бродячий	-	-	-	+	+	+
висячий	-	+	+	+	+	+
горячий	+	+	+	+	+	+
зрячий	+	+	+	+	+	+
лежачий	+	+	+	+	+	+
сидячий	+	?	+	+	+	+
стоячий	+	?	+	+	+	+
ходячий	-	?	+	+	+	+
бегучий	+	+	+	+	-	+
бродучий	-	+	-	+	-	-
вонючий	+	+	+	+	+	+
горючий	+	+	+	+	+	+

гремучий	+	+	+	+	+	+
дремучий	+	+	+	+	+	+
жгучий	+	+	+	+	+	+
живучий	+	+	+	+	+	+
зыбучий	+	+	+	+	+	+
кипучий	+	+	+	+	+	+
колючий	+	+	+	+	+	+
летучий	+	+	+	+	+	+
липучий	+	+	-	+	+	-
линючий	+	+	+	+	+	+
могучий	+	+	+	+	+	+
неминучий	-	+	+	+	+	+
падучий	+	+	+	+	+	+
пахучий	+	+	+	+	+	+
певучий	-	-	-	-	+	+
плавучий	-	+	+	+	-	+
плакучий	-	-	-	+	+	+
пльвучий	+	+	+	+	+	-
ползучий	-	?	-	+	+	+
скрипучий	+	?	+	+	+	+
сыпучий	+	?	+	+	+	+
текучий	+	?	+	+	+	+

Группа 1. Лексемы, зафиксированные только в роли прилагательных

Бродучий, бродячий

В текстах старорусского периода (XV—XVII вв.) лексемы *бродучий* и *бродячий* не зафиксированы. Как было сказано ранее, впервые слово *бродучий* фиксируется в текстах XVIII вв., а форма *бродячий*, по нашим данным, появляется в текстах XIX вв.

В рассматриваемых примерах лексемы *бродучий* и *бродячий* не употребляются в качестве деепричастий на -учи, -ачи. В СОРЯ для слова *бродучий* фиксируется одно значение. В словаре В. И. Даля приводится оба слова: лексема *бродучий* — в составе упомянутого словосочетания *бродучий след* со значением «хорошо заметный, отчетливый след прошедшего человека», лексема *бродячий* — в значении «не оседлый, без постоянного

жиля, кочевой; шатуший, шатовой, праздно или без призору шатающийся» В словаре под ред. Ушакова приводится статья только для слова *бродячий* со значением «стремящийся к постоянному передвижению, непоседливый» и устойчивыми словосочетаниями «бродячий сюжет», «бродячий образ жизни».

Горячий, горючий

Лексемы *горячий* и *горючий* уже в текстах древнерусского периода стабильно употреблялись в качестве прилагательных. В рассматриваемых материалах, как и ожидалось, не встретилось ни одного примера использования деепричастия с суффиксами -уч-, -ач- от глагола *гореть*, к которому восходят исследуемые прилагательные. Таким образом, можно сказать, что эти слова являются фактами самой ранней адъективации образований с суффиксами -уч-, -ач-. Возможно, именно поэтому нет других лексем, которые к XVIII веку характеризовались бы таким же широким семантическим разнообразием, как они. Если в словарях, описывающих древнерусский период, слово *горячий* имело одно значение, то в СОРЯ — уже шесть значений, а в словарях языка XVIII и XIX веков дается не менее 5 самостоятельных значений, которые дополняются устойчивыми и терминологическими словосочетаниями (*горячая любовь, по горячему слъду, горячая земля, навоз* (с-х.), *горячий пояс, зона, климат* (геогр.)). Все примеры употребления прилагательного *горячий* в НКРЯ отражают систему значений, представленную в словарях.

Необходимо сказать о связи двух прилагательных: *горячий* и *горючий*. В словарях, относящихся к древнерусскому периоду, фиксируется только слово *горячий*. В словаре XI — XVII вв. представлены обе лексемы, и они трактуются одинаково: «1. горячий; 2. Способный гореть». Оба слова сочетаются с существительным *вино*, образуя эквивалентные терминологические сочетания. Их отличие состоит в переносных значениях: *горячий* — «сильный, пылкий»; *горючий* — «горький, горестный». Однако в

СОРЯ уже иллюстрируется процесс семантического расхождения слов: для слова *горячий* приведено шесть значений со множеством устойчивых и терминологических словосочетаний, а для слова *горючий* — два значения, которые повторяют основные значения лексемы *горячий*. Как уже было сказано ранее, закономерная с точки зрения морфологического состава причастия форма с суффиксом -яч- имеет более разветвленную семантическую структуру.

В XVIII веке ситуация меняется: за лексемой *горючий* закрепляется значение «способный гореть» и «обильный, горький (о слезах)» с пометой «фольклорно-поэтическое». Таким образом, в это время слово *горячий* может заменять прилагательное *горючий* в значении «способный гореть», а лексема *горючий*, напротив, уже не употребляется в значении «горячий», система значений этого слова сужается.

Гремучий

Нельзя сказать, что в XVIII веке слово *гремучий* активно расширяет свои семантические границы, как, например, прилагательное *горячий*.

В САР значение «гремящий» не фиксируется. Слово фиксируется в составе терминологических сочетаний (*гремучая змея* и *гремучий камень*). Стоит отметить изменившийся суффикс, соответствующий форме прилагательного в современном русском языке. В САР ранее бытовавшая форма с суффиксом -яч- не отмечена.

В СлРЯ XVIII века дается два словообразовательных варианта (*гремучий* и *гремячий*). Также упоминается два терминологических словосочетания и приводятся два самостоятельных значения: «1. Шумный, звонкий, гремящий (о ручьях, источниках); 2. Хим. Способный взрываться. (гремучее золото, гремучий порошок)».

Однако уже в словаре Даля мы встречаем, помимо сочетания *гремучая змея*, пять новых терминологических сочетаний: *гремучая трава*, *гремучий камень*, *гремучее серебро*, *гремучая кислота*, *гремучий воздух*. Словарь под

ред. Ушакова дополняет этот список сочетаниями *гремучий газ*, *гремучая ртуть*.

Падучий

В XVIII—XIX вв. основной тенденцией является расширение системы значений слова. В XVIII—XIX вв. фиксируются контексты, где прилагательное «падучий» получает следующие толкования: «впадающий», «быстрый, стремительный, с порогами, водопадами (о реке)», «падающий, отпадающий», «бренный, преходящий», «падучая звезда». Конечно, особенно было распространено возникшее еще в старорусский период употребление слова в значении «эпилепсия». Оно фиксируется во всех словарях, кроме словаря И. И. Срезневского и словаря XI—XIV вв. В текстах НКРЯ слово фиксируется в основном в значении болезни.

Могучий

Слово *могучий* к XIX веку закрепилось в значение «могущественный, мощный, крепкий, сильный». Слово не претерпело каких-либо значительных изменений в семантике по сравнению со старорусским периодом. По данным НКРЯ, в XVIII веке еще фиксируется 2 примера употребления деепричастия от глагола *мочь*: *Когда Лаврентій Цельсь избранъ былъ Дожемъ Венеціанскимъ: (16 Юля 1361 года) то отецъ его почитая себя выше его, не взиралъ на его чинъ, и не хотѣлъ передъ нимъ скидавать шляпы; а съ другой стороны не могучи сего сдѣлать безъ нарушенія того, чемъ онъ обязанъ былъ Начальнику Республики, положилъ намѣреніе ходить всегда съ открытою головою (Анекдоты, «Лѣкарство отъ скуки и заботъ», 1787 г.); Мнѣ одного изъ нихъ случилось видѣть живаго подлиня, который не могучи спастися полетомъ попался въ руки ловящихъ его людей (Н. П. Рычков. Днѣвныя записки путешествія въ Киргисъ-Кайсацкой степѣ, 1771 году (1772 г.))*

Висячий

В САР прилагательное *висячий* не зафиксировано. В СлРЯ XVIII века приводится два значения: «1. Приспособленный к висению; навесной, подвесной; 2. Повислый, свешивающийся». Появляются новые словосочетания: *висячая постель* (гамак), *висячие цветы*. В XIX веке исчезает значение «подвесной, служащий для подвешивания». В словаре под ред. Ушакова фиксируется уже только одно значение: «имеющий свойство, назначение висеть». В текстах НКРЯ слово функционирует только как прилагательное и реализует семантическую структуру, представленную в словарях. Вариант *висучий* к XVIII—XIX вв. утрачивается.

Вонючий

Лексема *вонючий* фиксируется во всех рассматриваемых словарях для XVIII—XIX вв. Изменения в семантической структуре этого слова связаны с терминологическими и устойчивыми словосочетаниями. Зафиксированное в старорусский период устойчивое словосочетание *вонючая душа* в XVIII—XIX вв., видимо, было утрачено. Однако появляются новые, вероятно, терминологические словосочетания. В САР приводятся с пометой «в бот. назв.»: *вонючее дерево*, *вонючий вереск*, *вонючий дягиль* и др. Также интересен пример, который приводится в САР: *Трава слабительная и смягчительная, называемая по просторѣчю Вонючая Фиалка*. (Леклерк де Монлино Ш. А. Ж. Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов; перев. с фр. яз. Василием Левшиным. М., 1788.) То есть в быту слабительное средство могли называть *Вонючая Фиалка*.

Жгучий

В словарях, описывающих язык XVIII века, впервые фиксируется слово *жгучий* в отдельной статье как прилагательное. Дается два значения: «могущий жечь, имеющий способность выедать что-то; относится к

растениям, которые мелкими своими остиями проникая в отверстия кожи стрекочут, производят зуд» (*жгучая крапива*) (пример из САР). Второе значение связано с терминологическим сочетанием *жгучий камень* («состав из потоша и гашеной извести, применялся для удаления наростов на теле» (СлРЯ XVIII в.)).

Зрячий

Семантическая структура прилагательного *зрячий* не расширяется, она несколько меняется. Напомним, в словаре XI—XVII вв. оно значило «предназначенный для видения, смотрения; подзорный». В рассматриваемых словарях, описывающих XVIII—XIX вв., слово приводится в значении «видящий, обладающий зрением». Только в двух из них (СлРЯ XVIII в., словарь Даля) приводится терминологическое сочетание «зрячая Пасхалия» («таблица для определения воскресных дней по кругам солнца и луны»). В словаре под ред. Ушакова такого значения уже нет. В НКРЯ функционирует как прилагательное чаще всего в значении «способный видеть».

Летучий

Система значений прилагательного *летучий* меняется довольно существенно. Во всех словарях, относящихся к XVIII—XIX вв., кроме значения «летучий, подвижный, быстро передвигающийся», приводится значение, связанное с химическими процессами: «поднимающийся кверху виде паров», «испаряющийся» (летучее вещество). Также в СлРЯ XVIII века и в словаре под ред. Ушакова отмечается переносное значение «быстро переменяющийся» (*летучая любовь, летучая мысль, летучее время*).

Липучий

Лексема *липучий*, по нашим данным, впервые зафиксирована в текстах XVIII в. Во всех источниках приводится одно значение «клейкий, липкий». В словаре под ред. Ушакова с пометой «простореч.» приводится значение

«назойливый, неотвязный». Во всех контекстах слово *липучий* употреблено в качестве прилагательного.

Кипучий

В САР и в СлРЯ XVIII века фиксируются следующие значения: «быстрым движением кипение изображающий» (*кипучая река, кипучие ключи*); «бурный, пенящийся» (*кипучий ключ*); «нагретый до кипения, кипящий» (*кипучая вода*). Эти лексико-семантические варианты входили в первое значение причастия *кипучий* (с пометой «в знач. прил.») в САР.

В словарях, описывающих язык XIX века, и в текстах НКРЯ также фиксируются только упомянутые значения.

Колючий

Основное значение слова сохраняется («снабженный колючками, колкий»). В СлРЯ XVIII в. и в словаре под ред. Д. Н. Ушакова семантическая структура дополняется переносным значением «язвительный, насмешливый, вызывающий досаду». В НКРЯ представлены примеры употребления обоих значений.

Пахучий

В текстах старорусского периода фиксируется только *пахнучий*. В текстах XVIII—XIX вв. форма *пахнучий* не употребляется, встречается только вариант *пахучий*. Во всех словарях фиксируется одно и то же значение «издающий сильный, резкий запах». В САР также приводится терминологическое словосочетание *пахучая железа* (гиперактивная сальная железа, потовая железа подмышечной впадины). Во всех случаях слово *пахучий* употреблено в качестве причастия.

Певучий

Лексема *невучий* впервые фиксируется в текстах XIX века. В словаре под ред. Ушакова приводится значение «мелодично-протяжный, полнозвучный, похожий на пение». В этом же значении слово представлено в словаре В. И. Даля.

Плакучий

Лексема *плакучий* фиксируется в текстах XIX века. Основное значение, по словарю В. И. Даля и словарю под ред. Ушакова, — «часто плачущий». Также стоит отметить терминологические словосочетания *плакучая ива/береза* (разновидность деревьев, отличающаяся длинными, свисающими ветвями) и *плакучая радуница* (навий день, день поминовения усопших).

Дремучий, зыбучий, линючий, неминучий, скрипучий, сыпучий, текучий

Прилагательные *дремучий, зыбучий, линючий, неминучий, скрипучий, сыпучий, текучий*, по данным словарей, почти не претерпели никаких семантических изменений на протяжении двух веков. По данным словарей и по данным НКРЯ они функционировали исключительно как прилагательные.

Плавучий

Лексема *плавучий* во всех случаях употребления функционирует как прилагательное. Подробнее она будет рассмотрена в сравнении со словом *пльвучий* в описании следующей группы.

Стоячий

Семантическая структура прилагательного *стоячий*, напротив, по сравнению со старорусским периодом сужается. В САР приводится толкование «который стоит стоймя, а нележмя» (*стоячий ворот*). Также приводятся словосочетания «стоячая вода» (непроточная) и «стоячий невод» (невод, протянутый от одного берега к другому).

В словаре Даля *стоячий* противопоставляется также прилагательному *лежащий* и толкуется как «стоящий».

В НКРЯ не зафиксировано случаев употребления деепричастия от глагола *стоять*.

Группа 2. Лексемы, зафиксированные и в качестве прилагательных, и в качестве деепричастий¹

Лежачий

В обоих словарях, описывающих язык XVIII века, приводятся значения, повторяющие толкование в словаре XI—XVII вв.: «такой, который лежит; расположенный горизонтально»; «не находящийся в обороте, не использованный (о товарах, деньгах)».

Интерес вызывает статья в СлРЯ XVIII века, где на глагол *лежать* отмечаются отдельно причастие *лежащий* и деепричастие *лежащи*. Однако они не проиллюстрированы примерами, и в НКРЯ также не встретилось ни одного такого употребления.

В НКРЯ в текстах XVIII века фиксируются только прилагательное *лежащий*, в текстах XIX века встретилось одно деепричастие: *Взяла к этому платку, что мне положила, поднося его мне, потаенно прикрепила весьма длинную нитку, протянула ее под дверь к себе на постель и, лежащи напое, платок мой у меня из-под рук изволит, шая, подергивать*. (Н. С. Лесков. Божедомы. 1868 г.) При этом в подавляющем числе случаев мы наблюдаем прилагательное (155 словоупотреблений из 156).

Ходячий

Прилагательное *ходячий* является исключением из сделанных наблюдений. Оно не расширяется семантически: как и в словаре Срезневского, в САР описывается только сочетание *ходячая монета*: «деньги

¹В данном случае речь идет об исторической идентичности лексем, способных выступать в роли прилагательного и причастия.

золотые, серебряные или медные, имеющие определенный правительством вид, вес и доброту для общенародного обращения».

В словаре Даля значение дополняется первоначальным смыслом, заложенным в глагольной основе: «кто или что ходит, может ходить, бывает в ходу».

В текстах из НКРЯ фиксируются единичные примеры употребления деепричастия *ходячи*: *Ужасный плач был, и все сбились с ног, ходячи по лесам.* (Н. С. Лесков. Письма Л. Н. Толстому, 1887—1894 гг.)

Живучий

В САР слово *живучий* фиксируется только в значении «заживляющий», в СлРЯ XVIII века оно дополняется значением «способный выжить, выносливый». В словаре Даля прилагательное не фиксируется вовсе, однако есть примеры употребления деепричастия с суффиксом -уч- от глагола *жить*: *живучи, проживаются; живучи, оглядывайся.* В словаре русского языка по ред. Д. Н. Ушакова уже не приводится значение «заживляющий», остается только «обладающий большой жизнеспособностью, способный хорошо сопротивляться неблагоприятным для жизни условиям, стойкий».

По данным НКРЯ (подкорпус XVIII века), только два раза слово *живучий* фиксируется в роли прилагательного: *Животные сии, наиболее холодные и чрезвычайно живучие* (В. Ф. Зуев. Извлечения из учебника «Начертание естественной истории». 1785). Деепричастие от глагола широко употребляется в сочетаниях, обозначающих место пребывания где-то или образ жизни человека (*живучи в одном доме, живучи в Москве, живучи торговлей, живучи при матери своей, живучи большею частью в уединении*).

Бегучий

В XVIII веке, помимо значения «линючий», фиксируются значения «текучий, подвижный» (*Ртуть весьма бѣгучий металл*), «непостоянный,

переменчивый» (*Незрѣлъ, вспльчив, имѣет бѣгучія мысли* (Трутень, 1769)). Также отмечается терминологическое сочетание *бегучая снасть*. С тем же значением в словаре Даля встречается сочетание *бегучий такелаж* («морс. белые, несмоленные снаружи снасти, бывающие в частом движении, в передержке»). Также в словаре Даля отмечается деепричастие *бегучи*, но примеров не приводится.

В НКРЯ встречаются и деепричастия от глагола *бежать*, и прилагательные. В текстах XVIII века больше деепричастий: *При сих словах мы немедленно туда бросились, а миролюбивая красавица, бегучи за нами, упрашивала нас, чтобы мы вывели их только из ее комнаты и оставил бы на волю их бешенству.* (И. А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами, 1789.) Но в текстах XIX века уже зафиксировано восемь прилагательных и три деепричастия («бегучий господин» — Н. С. Лесков. Некуда. 1864).

Ползучий

Слово *ползучий* фиксируется в текстах XIX в., но уже имеет довольно разветвленную семантическую структуру. В словаре под ред Ушакова приводятся три значения: 1. Передвигающийся посредством ползанья; 2. Стелющийся по земле (бот.); 3. Движущийся сплошной массой.

В текстах XIX века могло употребляться деепричастие на -учи от глагола *ползти*. Эта форма фиксируется в словаре Даля, однако не сопровождается примерами. В НКРЯ деепричастие *ползучи* встречается в 3 контекстах. Например: *Так подошло к нам, ползучи на животе, пядень за пяденью и крепостное право; так подползет, пожалуй, и зависимость от земляного капитала.* (П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу (1852—1874).)

Плавучий, пływучий

Значения этих слов приравниваются в словарях, описывающих язык XVIII и XIX вв.: «плавающий». Интересными представляются данные НКРЯ. В текстах XVIII века от глагола *плыть* встречаются только деепричастия: *плывучи к берегу, плывучи въ верхъ*. В текстах XIX века встречаются как прилагательные *плывучий*, так и деепричастия от глагола *плыть*. Слово *плавучий* и в текстах XVIII века, и в текстах XIX века употребляется в роли прилагательного.

Таким образом, семь слов из 34 в XVIII—XIX вв. встречаются и в качестве прилагательных, и в качестве деепричастий от соответствующих глаголов, что свидетельствует о сохранении связи с глаголом. Это деепричастия от глаголов *лежать, ходить, стоять, жить, бежать, плыть, ползти*. В основном это глаголы движения и нахождения в пространстве.

Остальные 27 лексем встретились только в роли прилагательных. Из них семь слов не претерпели никаких существенных изменений значений по сравнению со старорусским периодом (*дремучий, зыбучий, линючий, неминучий, скрипучий, сыпучий, текучий*). Остальные прилагательные характеризуются расширением семантической структуры, сдвигами значений, появлением новых терминологических и устойчивых словосочетаний.

В целом период XVIII—XIX вв. можно охарактеризовать как время окончательного сложения модели формирования класса прилагательных с суффиксами -уч-, -ач-. Это не последний этап, потому что в течение XX века в широкое употребление войдет еще 13 лексем (*кусачий, везучий, приставучий, прыгучий, ревучий, толкучий, трескучий, трясучий, тягучий, хрипучий, цапучий, шатучий, шипучий*), некоторые из существовавших, напротив, останутся в языке только как просторечные или разговорные слова (*бегучий, вонючий, линючий, липучий, неминучий, падучий*). Однако XIX век следует, как нам кажется, считать пограничным в отношении грамматической характеристики класса. Именно в XIX веке встречается еще

активное употребление деепричастия *живучи* от глагола *жить*, чего уже нельзя встретить в текстах XX века. Таким образом, в это время употребление морфем *-уч-*, *-ач-*, восходящих к причастным суффиксам древнерусского языка, окончательно закрепляется за прилагательными.

Состав класса прилагательных с суффиксами *-уч-* и *-ач-* в XVIII—XIX вв. меняется: по нашим данным, он содержит 34 лексемы (в текстах старорусского периода зафиксировано 60 лексем). Многие слова, зафиксированные в текстах старорусского периода, выходят из употребления (35 лексем), но появляются новые слова (9 лексем: *бродячий*, *гремучий*, *жгучий*, *кипучий*, *липучий*, *пахучий*, *невучий*, *плакучий*, *ползучий*). В XVIII—XIX вв. сохранилась одна морфологическая пара (*горячий* — *горючий*). Однако семантическая структура ее компонентов не такая, как в старорусский период. Слова этой пары уже не взаимозаменяемы: за лексемой *горючий* закрепляются значения, которые не входят в семантическую структуру слова *горячий*. Основными тенденциями этого периода, как и старорусского, является расширение семантической структуры прилагательных, изменение значений, увеличение количества терминологических и устойчивых сочетаний

Заключение

В ходе работы был изучен и описан теоретический материал по истории класса прилагательных с суффиксами -уч-, -ач-, история действительных причастий. Была затронута проблема адъективации причастий, условий разграничения причастий и прилагательных в древнерусский и старорусский периоды. Были составлены списки исследуемых слов, бытовавших в разные периоды формирования класса прилагательных с суффиксами -уч- и -ач-. В ходе работы было выявлено, что самое большое количество входящих в рассматриваемый класс лексем, зафиксировано в текстах старорусского периода. Для этого периода насчитывается 60 соответствующих лексем, часть из которых со временем утрачивается, а часть закрепляется в русском языке. Их анализ осуществлялся на материале исторических и толковых словарей, БЛДР, НКРЯ, картотеки, предназначенной для составления СОРЯ и научно подготовленных изданий памятников.

Для удобства описания было выделено три периода:

1. Старорусский период (XV—XVII вв.);
2. Древнерусский период (XI—XIV вв.);
3. XVIII—XIX вв.

Периоды даны в таком порядке потому, что старорусский период наиболее значим в формировании класса прилагательных с суффиксами -уч- и -ач-. Данные по двум другим периодам приводятся для того, чтобы в сравнении с ними особенности исследуемого класса в старорусский период стали более очевидными. В отношении XVIII—XIX вв. не учитывался диалектный материал и не рассматривались данные диалектных словарей, так как это привело бы к значительному качественному и количественному расширению работы, которая вышла бы за рамки квалификационной работы данного уровня.

Способы описания разных периодов отличаются. Прежде всего, это связано с объемом материала, а также с теми особенностями, на которые стоит обратить внимание на каждом этапе развития класса.

Прилагательные, зафиксированные в старорусский период, были разделены на две группы, в соответствии с которыми проводился анализ, представляющий собой описание особенностей класса:

1. Прилагательные, образованные от глаголов 1, 2, 3 и 5 праславянских классов;
2. Прилагательные, образованные от глаголов 4 праславянского класса.

Для двух других периодов (древнерусского и XVIII—XIX вв.) осуществлялось описание каждого слова, и их разграничение проводилось по степени адъективированности лексемы. Таким образом, было выделено 3 группы:

1. Лексемы, зафиксированные только в роли прилагательных;
2. Лексемы, зафиксированные и в качестве прилагательных, и в качестве причастий;
3. Лексемы, зафиксированные только в роли причастий.

В XVIII—XIX вв. для третьей группы не было зафиксировано ни одного словоупотребления.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

1) Старорусский период (XV—XVII вв.) — время активного формирования класса прилагательных с суффиксами -уч- и -ач-. В это время наблюдается самый широкий состав класса (60 лексем) (ср. древнерусский период — 13 лексем; XVIII—XIX вв. — 34 лексемы; современный русский язык — 46 лексем).

2) В это время фиксируется большое количество морфологических особенностей класса. Например, в текстах древнерусского периода фиксируется четыре приставочных образования, в текстах старорусского периода — 11 приставочных образований, в XVIII—XIX вв. — одно слово *неминуций*, сохранившееся в современном русском языке. Нерегулярными

были образования от основы настоящего времени глаголов 3 класса (*невысыхающий, протекающий, прирастающий* и др.) и глаголов 2 класса (*пахнучий, неминучий*).

3) В старорусский период также развиваются морфологические особенности, возникшие уже в древнерусский период. Например, морфологические пары *горячий — горячий, висячий — висучий, летячий — летучий*.

4) В старорусский период полные формы с суффиксами -уч- и -ач- в основном употребляются как прилагательные, но нередко встречаются причастия от соответствующих глаголов. В это время уже не встречаются образований с суффиксами -уч-, -ач- исключительно в функции причастия, как это было характерно для древнерусского периода. Состав класса в старорусский период содержит 60 лексем, из которых 49 зафиксировано только в роли прилагательных. 11 слов допускают употребление в качестве причастий. Большая часть причастных образований с суффиксами -уч- и -ач- производна от глаголов движения и нахождения в пространстве. В текстах XVIII—XIX вв. встречаются уже только единичные примеры употребления деепричастий на -учи, -ачи от тех же глагольных основ, от которых образовались исследуемые прилагательные. Возможно, их устойчивая связь с глаголом также объясняется тем, что почти все они обозначают глаголы движения и нахождения в пространстве. Исключением является глагол *жить*, от которого в XVIII—XIX вв. чаще всего образуется деепричастие. Только в XX веке такое употребление исчезает. В текстах этого времени можно встретить только прилагательное с суффиксом -уч- — *живучий*..

5) Основной чертой старорусского периода является расширение семантической структуры рассматриваемых прилагательных. В текстах этого периода фиксируется большое количество терминологических и устойчивых сочетаний, в состав которых входят прилагательные с суффиксами -уч- и -ач-. В связи с этим особенно выделяются прилагательные *ходячий, лежащий, горячий, стоячий*, зафиксированные еще в древнерусский период

(XI—XIV вв.). В XVIII—XIX вв. процесс расширения структуры продолжается, но уже не так интенсивно, как в старорусский период.

6) В текстах старорусского периода зафиксированы прилагательные с суффиксами -уч- и -ач- в составе топонимов. Некоторые из них сохранились в современном русском языке и такой в форме больше ни в каких контекстах не употребляются (*Гремячий Колодезь, Гремячая гора*).

7) Чем раньше прилагательное вошло в активное употребление, тем шире становится его семантическая структура к XIX веку; чем позже, тем более велика вероятность того, что значение, в котором слово начинает функционировать, сохранится либо без дополнений и изменений, либо с незначительными дополнениями.

Источники

1. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XVI — начала XVII вв. Т. 1—3. М., 1952—1964.
2. Вести-Куранты 1600—1639 гг. / под ред. С. И. Коткова. М., 1972.
3. Вести-Куранты 1642—1644 гг. / под ред. С. И. Коткова. М., 1976.
4. Вести-Куранты 1645—1646, 1648 гг. / под ред. С. И. Коткова. М., 1980.
5. Вести-Куранты 1648—1650 гг. / под ред. С. И. Коткова. М., 1983.
6. Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / под ред. В. П. Вомперского. М., 1996.
7. Вести-Куранты 1656, 1660—1662, 1664—1670 гг. Часть 1. Русские тексты / под ред. А. М. Молдована и И. Майер. М., 2009.
8. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1987.
9. Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / изд. подг. Е. Б. Французовой. М., 2002.
10. Грамотки XVII — начала XVIII в. / под ред. С. И. Коткова. М., 1969.
11. Келарский обиходник Матфея Никифорова старца Кирилло-Белозерского монастыря. 1655—1656 г. М., 2002.
12. Книга сеунчей. 1613—1619 гг. // Памятники истории восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 1. М.; Варшава, 1995.
13. Назиратель / под ред. С. И. Коткова. М., 1973.
14. Памятники деловой письменности XVII в.: Владимирский край / под ред. С. И. Коткова. М., 1984.
15. Памятники южновеликорусского наречия: Конец XVI—начало XVII в. / под ред. С. И. Коткова. М., 1990.
16. Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977.

17. Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1982.
18. Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянов. М., 1993.
19. Поход А. Лисовского: Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень-зима 1615 г) // Памятники истории восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 1. М.; Варшава, 1995.
20. Русский дипломатарий / под ред. А. В. Антонова. Вып. 4. М. 1998.
21. Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII в. / сост. Н. А. Цомакион. Красноярск, 1971.
22. Таможенные книги города Великие Луки. 1669—1676 гг. / под ред. А. В. Юрасова. М., 1999.

Словари

1. Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р. Казанский край: Словарь языка памятников 1-й четверти XVII в. Казань, 2008.
2. Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р. Казанский край: Словарь языка памятников 2-й четверти XVII в. Казань, 2008.
3. Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р. Казанский край: Словарь языка памятников 3-й четверти XVII в. Казань, 2009.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1880—1882.
5. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка (обратный словарь). М., 1997.
6. Исламов Э. А., Галиуллин К. Р. Казанский край: словарь памятников XVI в. Казань, 2000.
7. Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII—XVIII вв. / Сост. Г. А. Христосенко, Л. М. Любимова. Т. 1. Чита, 2003.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
9. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 т. СПб., 1806—1822.
10. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—12. М., 1988—2016.
11. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII в. / под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002.
12. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв. Вып. 1—7. СПб., 2004—2016.
13. Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в. / Сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1. Пермь, 1993.
14. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв. / под ред. Ю. И. Чайкиной. Вып. 1, 2. СПб., 2003, 2005.

- 15.Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—30. М., 1975—2015.
- 16.Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—21. Л.; СПб., 1984—2015.
- 17.Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957—1961.
- 18.Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.
- 19.Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб., 1983—1912.
- 20.Технический словарь тульских оружейников XVII—XVIII веков / сост. Н. А. Щеглова. М., 2004.
- 21.Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.
- 22.Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964—1973.

Литература

1. Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке. Казань, 2007.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
3. Бахарев А. И. Адъективация причастий в историко-теоретическом освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1972.
4. Бедняков А. С. Переход причастий в прилагательные // Русский язык в школе. М., 1947. № 2. С.16—23.
5. Богданов А. В. Семантика и синтаксис отглагольных адъективов: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
6. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.
7. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М., 2001.
8. Голубева Е. Л. Прилагательные с суффиксами -уч- (-юч-), -ач- (-яч-) в русских памятниках XVII века // Kalbotyra. 1963. №6. С. 217—227.
9. Голубева А. Ю., Акай О. М. Адъективация и адвербиализация как способы словообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. №11-2. С. 60—62.
10. Запольская Н. Н. Функционирование причастий в русском литературном языке конца XVII—XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
11. Зверковская Н. П. К истории прилагательных с суф. -уч-, -ач- в русском языке (на материале памятников XI—XVII вв.) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985. № 16.
12. Иванникова Е. А. О так называемом процессе адъективации причастий // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии

- восточнославянских языков. К 80-летию члена-корреспондента АН СССР Р. Г. Бархударова / под ред. Ф. П. Филина, Р. И. Аванесова. М., 1974.
13. Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII в. М., 1961.
14. Ким Сан Хен Эволюция причастий и деепричастий в русском литературном языке XVIII в. — первой трети XIX в. (морфологические формы и синтаксические функции): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
15. Кожин А. Н. Литературный язык Московской Руси. М., 1984.
16. Колесов В. В. История русского языка. М., 2005.
17. Колочкова О. В. Адъективированные реализации причастий в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
18. Коневецкий А. Историческая грамматика. Вильнюс, 1989.
19. Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.
20. Краснов И. А. Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
21. Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. 1975. №5. С. 64—77.
22. Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982.
23. Кунавин Б. В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук. СПб., 1993.
24. Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопросы языкознания. 1966. №5. С. 37—46.

25. Лукин М. Ф. Переход причастий в прилагательные и существительные в современном русском литературном языке: автореферат ди. ... канд. филол. наук. Киев, 1965.
26. Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.
27. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Богданов С. И., Евтюхин В. Б., Князев Ю. П. и др. СПб, 2013.
28. Музеи Московского Кремля [сайт]. URL: <https://www.kreml.ru/exhibitions/virtual-exhibitions.drevnosti-gosudarstva-rossiyskogo-v-tvorchestve-fg-solntseva/ekipazhi-i-konskoe-ubranstvo/> (дата обращения: 15.05.2018).
29. Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952.
30. Николаев Г. А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология / под ред. Е. Н. Шабровой. СПб., 2007.
31. Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913.
32. Плунгян В. А. Причастия и псевдопричастия в русском языке: о границе вариативности. Осло, 26 февраля 2010 г. (хендаут)
33. Полуничева Н. Ю. Адъективация действительных причастий настоящего времени // Филология и человек. 2011. С. 174—182.
34. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике, т. I — II. М., 1958.
35. Резунова М. В. К проблеме переходности в языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №23 (124). С. 116—121.
36. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.
37. Сазонова И. К. Причастия в системе частей речи и лексико-семантическая деривация // Вопросы языкознания. 1975. №6. С. 87—99.

38. Сазонова И. К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова // Вопросы языкознания. 1971. №6. С. 99—109.
39. Сай С. Действительные причастия настоящего времени // Русская корпусная грамматика [сайт]. URL: <http://www.rusgram.ru> (дата обращения: 03.04.2018).
40. Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962.
41. Спегальский Ю. П. Архитектурно-художественные памятники. Псков, 1978 .
42. Спринчак Я. А. К вопросу о происхождении деепричастных конструкций в восточнославянских языках // Міжвузівська наукова конф. з проблем синтаксису української мови: тези. Черновці, 1965. С. 108—110.
43. Старославянский язык: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Аверина С. А., Навтанович Л. М., Попов М. Б. и др. СПб., 2013.
44. Стеценко А. Н. История именованных действительных причастий и образование деепричастий в русском языке // Проблемы стилистики и лексики русского языка. М., 1978. С. 3—11.
45. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. и др. М., 2010.
46. Токарева Е. М. К вопросу о частеречной принадлежности причастия в языках // Электронный научный журнал. Люберцы, 2016. №10-1. С. 224—227.
47. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. №2.

48. Удалова Л. И. Адъективация действительных причастий в русском литературном языке XVIII — XX вв: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961.
49. Шанский Н. М. Современный русский язык. М., 1968.
50. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.